ЖОРА ХАРАКС

КАК КАЗАКИ ПРОМЕТЕЯ ОСВОБОЖДАЛИ

ЖОРА ХАРАКС

Как казаки Прометея освобождали

«Автор»
2026

ХАРАКС Ж.

Как казаки Прометея освобождали / Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026

Тимко мечтал стать великим изобретателем. Но его новое водяное колесо вместо яблоневого сада окатило водой полстаницы. А потом мальчик спас запутавшуюся в леске ворону — и узнал невероятное: в крымских горах к скале прикован Прометей.Зевс дал людям срок до седьмого рассвета: сумеют освободить титана своими руками — он будет свободен. Не сумеют — камень навеки поглотит пленника.Тимко, его двоюродная сестра Ганна, казак Лукьян и кузнец Трофим отправляются в путь через древние кузницы, туманные переправы и горы, где даже тропы умеют обманывать. Их ждут орёл-страж, испытания и немало казачьих шуток.Но последнее испытание не выиграть ни силой, ни хитростью. Как снять цепи, не погубив того, кого они держат? И сможет ли Тимко вовремя понять: чтобы совершить подвиг, не обязательно быть главным?

© ХАРАКС Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Непослушное колесо 5
Глава вторая. Свидетельница с чёрными крыльями 13
Глава третья. До седьмого рассвета 21
Глава четвёртая. Дорога, которой не было на карте 29
Глава пятая. Урок кузнеца, который не спешил 37
Глава шестая. Туман помнит не всех 44
Конец ознакомительного фрагмента. 50

ЖОРА ХАРАКС
Как казаки Прометея освобождали

Глава первая. Непослушное колесо

В те времена, когда старые дороги ещё помнили шаги великанов, а птицы не считали человеческую речь тайной, стояла на берегу быстрой реки казачья станица.

Утром над её крышами поднимался дым, в садах наливались яблоки, у плетней спорили петухи, а за околицей гудели пчёлы. Станица жила так давно, что никто уже не мог сказать, кто первым поставил здесь дом, выкопал колодец и посадил возле ворот шелковицу. Зато каждый точно знал, кто последним сломал соседскую калитку, не вернул рубанок или пустил коня в чужие подсолнухи.

В тот день все знали ещё кое-что: двенадцатилетний Тимко собирался показать своё великое изобретение.

Он называл его Большим Водоподъёмным Колесом. Кузнец Трофим называл просто колесом. Отец Тимко, казак Лукьян, пока никак его не называл. Он ждал, когда устройство хотя бы один раз поднимет воду из ручья в сад.

Тимко вообще любил давать вещам большие имена до того, как они начинали работать. За последний год в их дворе появлялись Самоходная Тележка, Бездымная Печь и Капкан Для Кротов Без Вреда Для Кротов. Тележка проехала от сарая до курятника и остановилась, зато куры ещё долго отказывались нестись. Печь дымила так усердно, словно старалась оправдать своё название от противного. В капкан однажды попался сам Тимко — не весь, а только большой палец, но для важного вывода этого оказалось достаточно.

Каждая неудача сначала казалась ему последней. Он прятал чертежи, клялся больше ничего не изобретать и ходил мрачнее грозовой тучи. Потом замечал, что у тележки можно переставить ось, у печи поднять трубу, а у капкана — выбросить пружину и придумать всё заново. К вечеру у него уже появлялось новое имя.

Лукьян никогда не смеялся над этими попытками. Он приносил обрезки досок, разрешал брать старые гвозди, показывал, как держать пилу и править затупившееся лезвие. Но хвалил редко и коротко. «Ровно», — говорил он, если соединение и правда выходило ровным. Или: «Теперь выдержит». Тимко каждый раз ждал, что отец добавит ещё что-нибудь: назовёт его мастером, посадит рядом со взрослыми в мастерской, доверит настоящее дело. Однако Лукьян лишь переворачивал деталь и спрашивал, почему с обратной стороны осталась щель.

Ганна говорила, что это и есть похвала. Тимко считал, что такой похвалой удобно кормить только очень маленьких и нетребовательных муравьёв.

Поэтому водяное колесо должно было не просто полить яблони. Оно должно было заставить отца посмотреть на сына иначе.

Колесо стояло на деревянной раме у самого берега. Оно было выше Тимко, шире тележного и куда наряднее обоих. На ободе мальчик укрепил ковшики из бересты, лопатки вытесал из старых дощечек, а втулку несколько вечеров вытачивал в мастерской, пока отец не отнял у него резец и не велел сперва научиться держать пальцы подальше от лезвия.

От колеса к саду тянулся длинный деревянный желоб. По замыслу Тимко вода должна была подниматься в ковшиках, переливаться в желоб и бежать к яблоням. Тогда не пришлось бы носить тяжёлые вёдра в жару. И уж после этого, полагал Тимко, никто не сможет говорить, что он слишком мал для настоящего дела.

Перед колесом собралось полстаницы. В первом ряду стояли малыши, которых привлекало обещание брызг. За ними — хозяйки, которым хотелось воды в садах. Чуть поодаль казаки делали вид, что пришли случайно, хотя некоторые даже отложили работу.

На краю мостков устроилась одиннадцатилетняя Ганна — двоюродная сестра Тимко. На коленях она держала тетрадь в кожаной обложке. Тетрадь досталась ей от ворожеи и предназначалась для важных записей: названий трав, птичьих криков, примет погоды и слов, смысл которых Ганна собиралась понять позднее.

Сейчас в тетради был нарисован вал колеса. Рядом Ганна написала: «Левый край опускается на толщину мизинца».

— Тимко, — негромко позвала она. — Оно опять клонится.

Тимко стоял на раме, придерживая рычаг. На нём была чистая рубаха, которую мать велела беречь хотя бы до обеда, и старые сапоги, потому что сам Тимко знал жизнь лучше матери.

— Не клонится, а готовится, — ответил он.

— К чему?

— К работе.

— К работе обычно готовятся прямо.

Тимко посмотрел на неё сверху вниз.

— Когда колесо завертится, всё выровняется.

Ганна провела пальцем по рисунку.

— А если не выровняется?

— Тогда ты нарисуешь, как оно не выровнялось.

Несколько ребят рядом захихикали. Ганна захлопнула тетрадь. Она уже заметила, что левый конец оси лежал в опоре глубже правого. Можно было подложить щепку, ослабить крепление и проверить ход без воды. Но Тимко назначил начало на полдень и боялся опоздать к собственному торжеству.

Лукьян подошёл к раме, опустился на корточки и тронул ладонью ось.

— Нагрелась, — сказал он.

— Солнце, — быстро объяснил Тимко.

— Солнце светит сверху. А горячо снизу.

— Потому что снизу ближе к земле.

Трофим, стоявший рядом, разгладил седые усы.

— Хорошо рассуждает, — заметил он. — Если пустить его рассуждения вместо воды, колесо уже до неба докрутилось бы.

Собравшиеся засмеялись. Тимко покраснел.

Трофим был старейшим кузнецом станицы. Говорили, будто он мог по звону определить, о чём думает железо. Сам Трофим отвечал, что железо думает только о двух вещах: куда его ударят и кто потом станет виноват.

Лукьян не улыбнулся. Он ещё раз проверил опору.

— Сначала подопрём ось, — сказал он. — Потом пустим воду.

— Если мы опять начнём разбирать, все разойдутся.

— Значит, завтра соберутся.

— Завтра скажут, что я не сумел.

— А сегодня что скажут, если оно развалится?

Тимко оглянулся на зрителей. Малыши уже спорили, кого обрызгает первым. Хозяйки посматривали на солнце: до дневных дел оставалось не так много времени. Казаки переговаривались возле коновязи.

Среди них был Семён Кривой Рог — человек совершенно прямой во всём, кроме прозвища. Увидев взгляд Тимко, он поднял большой палец.

— Давай, мастер! Вода ждать не любит!

— Вот, — прошептал Тимко. — Не любит.

Лукьян положил руку ему на плечо.

— Вода подождёт. Люди тоже. Дерево и железо не обязаны слушаться только потому, что на них смотрят.

Но Тимко услышал другое: отец не верит, что он справится.

Он высвободил плечо.

— Всё проверено.

Ганна приподняла тетрадь.

— Не всё.

— Почти всё.

— Это разные слова.

— Для тех, кто ничего не строит.

Ганна побледнела и отвернулась.

Лукьян нахмурился.

— Тимко.

Но мальчик уже дёрнул рычаг.

Заслонка поднялась. Вода ринулась по узкому отводу к лопаткам. Колесо дрогнуло, заскрипело и медленно повернулось.

По толпе прокатился довольный гул.

Первый ковшик вошёл в ручей, набрал воду и поднялся. За ним второй. Третий. На верхней точке вода перелилась в желоб и побежала к саду.

Тимко расправил плечи.

— Видали?

Малыши захлопали. Хозяйки одобрительно заговорили. Даже Лукьян на мгновение улыбнулся.

Колесо сделало второй оборот.

Левый конец оси просел ещё на палец.

Ганна увидела это первой.

— Закрой воду!

Тимко решил, что она просто не хочет признать его успех.

— Ещё быстрее! — крикнул он и передвинул заслонку.

Вода ударила в лопатки сильнее.

Колесо завертелось. Желоб задрожал. Ковшики застучали по ободу, будто маленькие каблуки. Толпа дружно отступила на шаг.

— Тимко, стой! — крикнул Лукьян.

Но теперь остановить механизм было не так просто. Рычаг заклинило. Тимко навалился на него всем телом.

Ось скрипнула.

Трофим поднял палец.

— Вот сейчас железо как раз подумало.

Левая опора лопнула.

Колесо накренилось, зачерпнуло половину ручья разом и с достоинством огромного мокрого гуся выплеснуло воду прямо в зрителей.

Малыши завизжали от восторга. Хозяйки — совсем по другой причине. Семён Кривой Рог снял с головы папаху, из которой лилось так, словно именно её Тимко собирался использовать для полива.

Желоб подскочил. Струя ударила в бочку, бочка покатилась к плетню, а из-под мостков вылетела деревянная шестерёнка — самая ровная и красивая из всех деталей.

— Держите! — крикнул Тимко.

Но держать было уже нечего. Лукьян успел схватиться за раму и не дал колесу рухнуть в ручей. Трофим подставил под ось плечо, крякнул и потребовал клин. Двое казаков бросились к нему. Ганна выдернула из грязи ящик с инструментом прежде, чем его накрыла следующая волна.

На несколько мгновений все забыли, что пришли смотреть на чудо. Каждый делал то, что находилось перед ним. Хозяйки уводили малышей с мостков. Семён Кривой Рог перекрыл ногой покатившуюся бочку. Даже самый маленький зритель подобрал выпавший деревянный штифт и держал его над головой, как найденную саблю.

Тимко тоже мог помочь. Он видел, как отец один удерживает раму. Видел протянутую руку Трофима. Слышал, как Ганна зовёт его к ящику.

А потом увидел шестерёнку.

Она была не просто деталью. В ней оставались три вечера работы, похвала Трофима и короткое отцовское «ровно». Потерять её означало признать, что завтрашнего исправления не будет.

Тимко выбрал шестерёнку.

Шестерёнка запрыгала по воде и поплыла вниз по течению.

Тимко спрыгнул с рамы. Правый сапог остался в грязи, но мальчик не заметил. Он бежал по берегу в одном сапоге и одной мокрой портянке, перепрыгивая через камни.

Позади слышались голоса. Лукьян перекрывал отвод. Трофим командовал ребятам оттащить желоб. Кто-то смеялся, кто-то сердился, а Семён Кривой Рог громко объявил, что давно хотел вымыть папаху изнутри.

Ганна догнала Тимко у старой ивы. На вытянутой руке у неё болтался его сапог, вытащенный из грязи возле колеса.

— Куда?

— За шестерёнкой!

— Колесо падает!

— Отец удержит.

— А если нет?

— Он же взрослый!

Ганна остановилась. Эти слова ей не понравились, но Тимко уже мчался дальше.

Шестерёнка показалась между камней. Течение закрутило её у коряги, потом вынесло на середину. Ещё немного — и деталь уйдёт в быстрый рукав, где вода пряталась между камышами.

Тимко нашёл длинную ветку, лёг на живот и потянулся.

— Правее, — сказала подоспевшая Ганна.

— Вижу.

— Ты ведёшь ветку левее.

— Потому что вода понесёт её вправо.

— Вода несёт шестерёнку влево.

— Она передумает.

Ганна посмотрела на него.

— Вода?

— Не мешай.

Конец ветки коснулся шестерёнки. Та повернулась, будто обиделась, и поплыла ещё быстрее.

Тимко вскочил.

— Теперь точно поймаю.

В этот миг из прибрежной травы донёсся резкий хриплый крик.

Дети замерли.

Крик повторился. Он был похож на карканье, только сдавленное, будто птица спорила с кем-то, кто держал её за горло.

Ганна раздвинула камыши.

На песке билась ворона. Её лапу стягивала старая рыболовная леска. Конец лески обмотался вокруг корня, а к другому был привязан ржавый крючок. Каждый раз, пытаясь взлететь, птица затягивала петлю сильнее.

— Не трогай! — сказал Тимко. — Клюнет.

Ворона повернула к нему голову. Один её глаз блестел сердито, другой — ещё сердитее.

— Она просит помочь, — сказала Ганна.

— Она каркает.

— Иногда это одно и то же.

По воде мелькнула шестерёнка.

Тимко увидел её и метнулся к ручью.

Ворона снова забилась. Леска впилась в лапу.

— Тимко!

Он остановился. До быстрого рукава оставалось несколько саженей. Если побежать сейчас, деталь ещё можно было перехватить ниже по течению. На неё ушло три вечера. Трофим похвалил зубцы. Отец впервые сказал, что получилось чисто.

Без шестерёнки колесо нельзя будет запустить завтра.

Позади хрипела птица.

Тимко зажмурился, словно собирался прыгнуть в холодную воду.

Потом швырнул ветку на землю и опустился рядом с Ганной.

— Держи ей крылья.

— Она испугается.

— А если не держать, вырвет лапу.

Ворона явно не собиралась помогать спасателям. Она щёлкнула клювом возле пальцев Тимко. Мальчик отдёрнул руку.

— Вот видишь!

— Ей больно.

— Мне тоже будет больно, если она попадёт по пальцу.

Ганна сняла с головы платок.

— Накроем глаза. Ворожея так делает с ранеными птицами.

— Ты уверена?

— Нет.

Тимко удивлённо посмотрел на неё. Обычно Ганна отвечала уверенно даже тогда, когда уверенности у неё было на две крошки.

— И что теперь?

— Теперь проверим осторожно.

Они набросили платок вороне на голову. Птица дёрнулась, но перестала целиться клювом. Ганна придержала крылья, а Тимко принялся распутывать леску.

Узел затянулся мокрой петлёй. Пальцы скользили. Ржавый крючок цеплялся за траву.

— Нож, — сказал Тимко.

— Ты оставил его у колеса.

— Не оставил. Положил рядом с опорой.

— Это и называется оставил.

Тимко хотел возразить, но ворона дёрнулась, и петля снова натянулась.

— Ладно. Ищи острый камень.

Ганна нащупала плоский кремень. Тимко подложил под леску щепку, чтобы не задеть лапу, и начал перетирать тонкую нить о край камня.

Издалека донёсся голос Лукьяна:

— Тимко! Ганна!

— Здесь! — крикнула девочка.

— Не кричи над ухом, — буркнул Тимко.

— Я кричу не тебе.

— А слышу я.

Леска лопнула.

Ворона вырвала голову из-под платка, подпрыгнула и взмахнула крыльями. Дети отшатнулись. Птица поднялась над камышами, сделала круг и села на ивовую ветку.

Лапа у неё была цела. Ворона несколько раз сжала пальцы, проверяя опору, потом посмотрела вниз.

— Лети, — сказал Тимко. — И не благодари. Всё равно уже поздно.

Шестерёнки на воде не было.

Он стоял, глядя на пустой ручей, и чувствовал, как вместе с деталью уплывают завтрашний запуск, похвала отца и возможность доказать всем, что сегодняшняя неудача была случайностью.

Пока он гнался за шестерёнкой, отец и Трофим удерживали колесо, Ганна спасала инструменты, соседи уводили малышей. Тимко перебрал в уме их дела одно за другим. Своего среди них не нашёл.

Он попытался отогнать эту мысль. Можно было сказать, что настоящий мастер обязан беречь редкие части. Можно было решить, что без шестерёнки помощь у рамы всё равно не имела смысла. Можно было сердиться на ворону, потому что она подвернулась именно сейчас.

Но леска всё ещё лежала у его ног, и на ней темнела затянутая петля. Если бы дети пробежали мимо, птица продолжала бы рваться до тех пор, пока не повредила лапу. Шестерёнка была красивой и нужной. Ворона была живой.

Даже правильный выбор оставлял горечь.

— Мы сделаем другую, — сказала Ганна.

— «Мы»?

— Я нарисую ровнее.

— Значит, эта была неровная?

— Я хотела утешить.

— У тебя плохо получается.

— Зато честно.

Тимко сел на корень и принялся натягивать сапог, который Ганна молча сунула ему в руки. Внутри плескалась вода.

Сверху каркнула ворона.

— Вот ещё ты, — сказал Тимко. — Могла бы улететь.

Птица перелетела ниже.

— Не гони, — попросила Ганна.

— Я её спас. Теперь она свободна.

— Свободные сами решают, когда улетать.

Ворона наклонила голову и издала три коротких звука, потом один длинный.

Ганна нахмурилась.

— Что? — спросил Тимко.

— Не знаю.

— А похоже было, будто знаешь.

— Первый звук означает «человек». Или «большой». Иногда «старый». Второй — что-то про камень. Третий я не поняла.

Ворона повторила крик и ударила клювом по ветке.

— Может, просит каши, — предположил Тимко.

Птица сорвала сухую веточку и бросила ему на голову.

— Не просит, — решила Ганна.

К ним подошёл Лукьян. Рукава у него были мокрыми, на щеке темнела полоска грязи. За ним шагал Трофим с целой левой опорой колеса на плече. Лопнувшую часть он нёс под мышкой.

— Все живы? — спросил Лукьян.

— Да, — ответила Ганна.

— Шестерёнка?

Тимко указал вниз по течению.

— Ушла.

Лукьян посмотрел на ворону, на обрезок лески и кремень в руке сына.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно, — огрызнулся Тимко.

Отец присел рядом.

— Колесо мы удержали. Желоб цел. Опора треснула там, где я показывал.

Тимко упрямо смотрел на сапог.

— Можешь сказать, что предупреждал.

— Могу.

— Ну так скажи.

— Зачем? Ты и без меня помнишь.

От этого ответа стало ещё обиднее.

— Я почти запустил его.

— Запустил, — согласился Лукьян. — И вода пошла в сад.

Тимко поднял глаза.

— Тогда почему ты смотришь так, будто я всё испортил?

— Потому что ты увидел опасность и решил прибавить воды. Ганна предупредила, я предупредил. Ты услышал только тех, кто хлопал.

— Вы бы разбирали его до зимы.

— Возможно. А возможно, потратили бы четверть часа.

— Всё равно теперь без шестерёнки.

Лукьян кивнул в сторону вороны.

— Зато с птицей.

— От неё сад не польёшь.

— Не всякое дело сразу приносит то, что можно налить в ведро.

Трофим опустил доски на траву.

— Иной раз, — сказал он, — сначала надо поддержать ось. Иной раз — человека. Иной раз — птицу. А уж потом вертеть весь мир.

— Вы оба говорите так, будто заранее придумали мудрость и только ждали, когда я ошибусь.

— Нет, — ответил Трофим. — Я эту мудрость вчера для козы придумал. Она через плетень лезла. Но тебе тоже подходит.

Ганна прыснула. Даже Лукьян не удержался от улыбки.

Тимко не хотел смеяться. Он держался несколько мгновений, потом всё-таки фыркнул.

Ворона каркнула снова.

На этот раз в звуках было что-то такое, что Ганна перестала улыбаться.

Птица перелетела на землю. Осторожно ступая освобождённой лапой, подошла к мокрому песку и начала чертить клювом.

Сначала появилась длинная неровная черта. Потом над ней — острый выступ. Под выступом ворона выскребла маленькую фигурку с раскинутыми руками.

Трофим присел на корточки.

— Скала, — сказал он.

Ворона стукнула клювом рядом с фигуркой.

— Человек у скалы, — прошептала Ганна.

Птица расправила крылья, будто показывала что-то огромное. Затем опустила голову и несколько раз ударила клювом по нарисованной груди.

— Его клюют, — сказала Ганна.

Тимко вспомнил собственные слова о каше и почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Ворона провела вокруг рук фигурки две глубокие полосы.

Трофим коснулся рисунка пальцем.

— Цепи.

Лукьян внимательно посмотрел на птицу.

— Где?

Ворона взлетела на ветку и повернулась к югу.

За садами, степями и морем, далеко отсюда, лежали горы Крыма. В ясные дни старики говорили о них так, будто сами вершины могли различить на краю неба. А у одной горы было имя, похожее на звон кузнечного молота: Демерджи.

Птица снова издала три коротких крика и один долгий.

— Она не может объяснить мне всё, — сказала Ганна. — Надо вести её к ворожее.

— Сейчас? — спросил Тимко.

Ганна посмотрела на нарисованного человека.

— Если бы тебя приковали к скале, ты бы хотел, чтобы мы сперва высушили сапоги?

Тимко вылил из сапога воду.

— Нет.

— Тогда идём.

Лукьян поднял обломок опоры.

— Сначала вернёмся к колесу. Закроем отвод и уберём инструмент. Дело, которое бросили из-за другого дела, не должно стать третьей бедой.

Тимко уже хотел возразить. Потом посмотрел на треснувшее дерево, на ручей и на ворону.

— Хорошо, — сказал он. — Только быстро.

Они пошли обратно. Ворона перелетала с ветки на ветку следом.

На повороте Тимко в последний раз оглянулся на ручей. Ему показалось, что далеко внизу мелькнул круглый деревянный край пропавшей шестерёнки. Но течение уже унесло её за камыши.

Тимко нёс ящик с инструментами. Два раза за дорогу он собирался спросить отца, можно ли ещё спасти колесо, и оба раза вместо вопроса покрепче перехватывал тяжёлую ручку.

Ворона каркнула над его головой и полетела к станице.

На этот раз никто не подумал, что она просит каши.

А далеко в Крыму камень, державший Прометея, поднялся ещё на одну незримую для них ступень.

Глава вторая. Свидетельница с чёрными крыльями

Когда Тимко, Ганна, Лукьян и Трофим вернулись к водяному колесу, оно уже не походило на великое изобретение. Оно походило на очень большой мокрый вопрос, который положили поперёк ручья и теперь не знали, кому задать.

Левая опора лежала в траве. Желоб перевернули, чтобы он не мешал течению. Ковшики на ободе смотрели в разные стороны, словно каждый отдельно отрицал своё участие в происшествии. Возле мостков стоял Семён Кривой Рог и выливал из папахи последнюю воду.

— Вот что значит настоящее мастерство, — объявил он. — Хотел полить сад, а вымыл всю станицу.

— Не всю, — возразил Тимко. — Тебя одного.

— Тогда устройство работает точнее, чем я думал.

Несколько казаков засмеялись. Тимко уже собирался ответить, но Лукьян положил обломок опоры рядом с целой частью и провёл пальцем по трещине.

— Смотри.

Тимко присел. Трещина начиналась у гнезда, в котором лежала ось, и расходилась по волокнам.

— Дерево слабое, — сказал он.

— Может быть.

— Значит, я был прав.

— Если хочешь узнать, почему сломалось, слова «я был прав» лучше оставить на потом.

Лукьян попросил казаков приподнять раму. Трофим подложил под ось чурбак, и только после этого они попробовали повернуть колесо. Оно подалось легко, но в одном месте втулка снова зацепилась за край гнезда.

— Перекос, — сказала Ганна.

Тимко посмотрел на неё. На кожаной обложке тетради расплылось мокрое пятно. Девочка держала тетрадь прижатой к боку, будто та могла выдать её без спроса.

— Я и сам вижу.

— Сейчас видишь.

— А ты раньше видела и ничего не сделала.

Ганна вскинула голову.

— Я сказала.

— Тихо сказала. Чтобы потом можно было говорить, что предупреждала.

— А как надо было? Уронить тебя с рамы?

— Можно было показать рисунок.

Ганна сильнее прижала тетрадь. Тимко заметил это движение.

— Там что-то не так?

— Всё так.

— Тогда покажи.

— Не обязана.

Лукьян не повысил голоса, но оба замолчали.

— По одному, — сказал он. — Тимко, что сделал ты?

— Пустил воду.

— После того как тебе сказали о перекосе.

— Я думал, колесо выровняется.

— Проверил?

— Нет.

— Ганна?

Девочка помедлила и раскрыла тетрадь. Рядом с рисунком вала стояла точная запись о левом крае. Ниже была проведена линия желоба. Она сходилась с колесом под неверным углом.

— Я измеряла шагами, — призналась Ганна. — Отсюда до яблони. Но один раз считала от мостков, а другой — от камня. Думала потом поправить.

— И не показала, — сказал Тимко.

— Ты сказал, что всё проверено. Я не хотела, чтобы ты при всех увидел ещё одну ошибку.

— Мою или свою?

Ганна закрыла тетрадь.

— Обе.

Трофим разгладил усы.

— Хорошая работа, — сказал он.

Тимко даже оглянулся, решив, что кузнец хвалит кого-то за спиной.

— Что хорошего?

— Две ошибки наконец лежат рядом. Поодиночке они могли бы ещё неделю прятаться.

Лукьян велел снять ось. Тимко ухватился за втулку и потянул.

— Не идёт.

— Потому что вес всё ещё на ней.

— Мы же держим раму.

— Раму. Не ось.

Трофим подставил плечо, Лукьян приподнял обод, Ганна подсунула под него чурбак. Лишь тогда Тимко вытянул ось без усилия.

— Сначала поддержи то, на чём лежит тяжесть, — сказал Лукьян. — Потом освобождай соединение.

— Для колеса, — уточнил Тимко.

— Для начала — для колеса.

Над ручьём каркнула ворона.

Все подняли головы. Птица сидела на плетне, куда её никто не приглашал, и сердито дёргала освобождённой лапой.

— За нами идёт, — сказала Ганна.

— Может, хочет вернуть шестерёнку, — предположил Тимко.

Ворона слетела с плетня, опустилась возле ящика с инструментами и клюнула его крышку.

— Или нож, который ты оставил, — добавила Ганна.

— Положил.

— Рядом с опорой.

— И нашёл бы.

Ворона снова клюнула крышку, потом повернулась к дороге и издала три коротких крика и один долгий.

Ганна перестала улыбаться.

— Она повторяет то же самое.

— Человек, камень и что-то непонятное?

— Может быть.

— Теперь ты говоришь «может быть»?

— Теперь я мокрая и умная.

Трофим посмотрел на птицу внимательнее.

— К ворожее её отведите. Если гость так настойчив, значит, либо принёс важную новость, либо хочет обедать за чужой счёт.

— Она уже отказалась от каши, — сказал Тимко.

Ворона взмахнула крыльями и полетела по улице. Через несколько домов оглянулась. Убедившись, что дети стоят на месте, вернулась и едва не сбила с Тимко шапку.

— Понятно, — сказал он. — Вежливостью она не задержит.

— Идите, — разрешил Лукьян. — Мы с Трофимом закончим здесь. Но сначала уберите нож и закройте ящик.

Тимко хотел напомнить, что речь идёт, возможно, о человеке у скалы. Однако посмотрел на раскрытый ящик, на ржавый крючок в руке и молча собрал инструмент. Дело, которое бросили ради другого дела, и правда могло стать третьей бедой.

Дом ворожеи стоял у края станицы, там, где огороды переходили в степь. Крыша была низкая, стены выбелены, под навесом сушились пучки полыни, зверобоя, чабреца и трав, названия которых Ганна пока не знала, но записала заранее, оставив пустые строки.

На крыльце лежал рыжий кот. Увидев ворону, он приоткрыл один глаз и решил, что возраст позволяет ему не вмешиваться в чужие тайны.

Ворожея сидела за столом и перебирала семена. Маленькие кучки были разложены на белой ткани. Рядом стояла миска пшённой каши.

— Я не звала вас до вечера, — сказала она, не поднимая головы.

— Это не мы, — ответила Ганна. — Это ворона.

— Тем более. Ворону я вообще не звала.

Птица села на край стола. Семена подпрыгнули. Кот открыл второй глаз.

— Она хочет сказать что-то важное, — продолжила Ганна.

— Что именно?

Ганна быстро ответила:

— Что голодна.

Тимко повернулся к ней.

— Ты же говорила про человека.

— «Человек» иногда значит «старший». Старшие часто хотят есть.

— А камень?

— В каше мог попасться камень.

Ворона посмотрела на Ганну так, как смотрят на человека, который не просто говорит глупость, а старается придать ей законченную форму. Потом ухватила клювом край миски и опрокинула её.

Каша легла на стол ровным жёлтым холмом.

Кот бесшумно спрыгнул с крыльца и исчез под лавкой.

— Не голодна, — сказал Тимко.

— Это мы установили, — спокойно ответила ворожея. — Теперь установим, зачем она пришла.

Старуха не умела говорить по-птичьи так, как люди говорят друг с другом. Она не переводила карканье готовыми фразами. Сначала она открыла ставни, чтобы птица видела небо. Потом поставила на стол плоский поднос с песком, чашку воды, уголёк и несколько предметов: обломок цепи, кусок парусины, сухую ветку и серый камень.

— Птицы сообщают не словами, — объяснила она. — Они повторяют звук, движение и то, что видели. А человек слишком любит вставлять между ними собственные мысли.

Ганна опустила глаза.

— Я хотела понять быстрее.

— Быстрее поняла?

— Нет.

— Значит, спешила не к пониманию.

Ворожея указала на тетрадь.

— Записывай отдельно. Что птица показала. Что ты узнала. Что только предполагаешь.

Ганна разделила страницу тремя чертами.

Ворона трижды каркнула, ударила клювом по серому камню, потом схватила обломок цепи и потянула. Цепь звякнула, но не сдвинулась: другой конец старуха незаметно прижала ладонью.

— Человек у скалы, — сказала Ганна. — Связан.

— Это видела птица? — спросила ворожея.

Ганна проследила за её движениями.

— Камень видела. Цепь… да, наверное.

Ворона расправила крылья, несколько раз ударила клювом в воздух перед собственной грудью и издала резкий болезненный крик.

Тимко вспомнил рисунок на песке.

— Его клюют.

Ворона повернулась к нему и коротко каркнула.

— Это было согласие? — спросил он.

— Или она удивилась, что ты наконец понял, — сказала Ганна.

Ворожея положила перед птицей уголёк. Ворона коснулась его клювом, потом подтащила к парусине. После этого опустила сухую ветку на песок и провела ею несколько линий, похожих на рёбра лодки.

— Огонь, ткань, лодка, — перечислил Тимко. — Что общего?

— Человек, — сказала Ганна. — Тот человек.

Старуха кивнула.

— Теперь слушайте то, чего ворона не видела собственными глазами. Это ей рассказал пленник.

Птица снова ударила по цепи, затем подняла голову к небу и дважды резко щёлкнула клювом. В комнате стало тихо. Даже семена перестали перекатываться по ткани, хотя никто к ним не прикасался.

Ворожея взяла уголёк.

— Давным-давно жили два бессмертных родича. Зевс был сыном Кроноса, Прометей — сыном Иапета. Их отцы приходились друг другу братьями, а сами они с давних времён звали друг друга просто братьями. Но людей они видели по-разному.

Уголёк оставил на песке две фигуры. Одна стояла на высокой линии, другая — среди маленьких человеческих следов.

— Зевс полагал, что людям достаточно жить под защитой богов и выполнять установленный порядок. Прометей видел, как они мёрзнут, боятся ночи, теряют лодки в море и начинают всякое ремесло заново после смерти мастера.

Старуха коснулась угольком чашки. На поверхности воды дрогнуло отражение огня.

Тимко увидел не комнату. На мгновение ему почудился берег под огромным тёмным небом. Люди жались к холодной скале. Прометей опустился рядом с ними и показал, как сухая ветка принимает искру. Он не бросил им готовый костёр. Он положил рядом кремень, дал второй камень и ждал, пока человеческие руки сами высекут свет.

Отражение изменилось. На берегу выросли мастерские. Молот бил по раскалённому железу. Глина становилась сосудом. Доски сходились в борта лодки. Натянулась ткань паруса, и лодка двинулась туда, где прежде люди видели только край воды.

Тимко подался к чашке.

— Он научил строить колесо?

— Не твоё, — сказала Ганна.

— Я спрашиваю вообще.

— Он учил не только готовым вещам, — ответила ворожея. — Он учил замечать, почему одна вещь держится, а другая ломается. Давал начало, не конец.

Вода в чашке потемнела. Над мастерскими появилась высокая фигура Зевса.

— Братья поссорились. Зевс сказал: «Ты хочешь сделать людей равными богам». Прометей ответил: «Я хочу, чтобы они не оставались беспомощными только потому, что мы сильнее».

Видение в чашке не исчезло. Оно стало яснее, будто вода запомнила больше, чем собиралась показывать.

На высокой террасе стоял длинный стол богов. На нём лежали золотые плоды, сосуды с нектаром и инструменты, которыми никто не работал: богам нравилось владеть совершенными вещами, не тратя времени на их изготовление. За краем террасы далеко внизу мерцали человеческие огни.

Зевс смотрел на них с раздражением.

— Вчера там была темнота, — сказал он.

— Вчера был холод, — ответил Прометей.

— Они перестали просить огня у нас.

— Значит, научились беречь свой.

— Они плавят металл.

— Потому что каменные лезвия ломаются.

— Они строят лодки и уходят за горизонт.

— Потому что за горизонтом тоже есть берега.

С каждым ответом Зевс говорил тише, и от этого над Олимпом гуще собирались облака.

— Ты отвечаешь так, будто уже выбрал их своей семьёй.

Прометей долго смотрел вниз.

— Семья не тот, кто слабее и потому обязан слушаться. Семья тот, кому ты не позволяешь остаться во тьме, если у тебя есть огонь.

Зевс сжал пальцы на каменном краю стола. По небу прошёл глухой гром.

— Сегодня они научились плавать по морю. Завтра поднимутся сюда.

— Если поднимутся благодаря знанию и труду, почему это должно тебя пугать?

— Потому что порядок держится на расстоянии.

— Тогда это плохой порядок.

Вода в чашке задрожала. Тимко увидел не весь спор, а отдельные мгновения, сохранённые рассказом: белый свет молнии; опрокинутый стол; золотой плод, катящийся по ступеням; лицо Прометея, на котором было больше печали, чем страха.

Зевс не ударил брата сразу. Сначала он потребовал вернуть людям незнание: погасить очаги, разбить инструменты, увести лодки обратно на берег.

— Даже если я соглашусь, — сказал Прометей, — это уже невозможно. Они помнят.

— Память можно наказать.

— Но нельзя сделать бывшей.

И тогда Зевс придумал кару, которая должна была доказать его правоту. Он решил не только причинить брату боль, но и показать, что люди беспомощны без нового дара свыше. Пусть тот, кто учил их ремёслам, окажется скован работой, против которой будто бы бессильны человеческие руки. Пусть видит море, но не может добраться до воды. Пусть слышит ветер, наполняющий паруса, и знает, что ни одна лодка не поднимется к нему по горной стене.

— Я оставлю им возможность, — объявил Зевс. — До седьмого рассвета. Если твои смертные так умны и благодарны, пусть придут и освободят тебя сами.

— А если придут?

Зевс улыбнулся так, как улыбаются люди, заранее уверенные, что вопрос задан напрасно.

— Тогда я признаю тебя свободным.

— Поклянись законом Олимпа, что ни один бессмертный не помешает им сверх установленной стражи.

Это требование Зевсу не понравилось. Но отказаться значило показать сомнение. Он призвал свидетелями небо, землю и море. Бессмертным запрещалось вмешиваться. Орёл получал право сторожить скалу и отгонять тех, кто приблизится. Камень должен был расти с каждым рассветом.

— Они не придут, — сказал Зевс.

— Возможно, — ответил Прометей. — Но не потому, что не способны. Только потому, что могут не узнать.

Поэтому, уже прикованный к скале, он и позвал ворону. Маленькую чёрную птицу, на которую никто из богов не обратил бы внимания.

Видение погасло. В чашке снова отражались ставни, лица детей и прямоугольник дневного неба.

Тимко разжал кулаки. На ладонях остались красные полумесяцы от ногтей.

— Зевс просто испугался, — сказал он.

— Испуг не делает наказание справедливым, — ответила ворожея. — Но помогает понять, почему сильный человек иногда держится за неправильное решение ещё крепче, чем слабый.

— Потому что все увидят его ошибку? — спросила Ганна.

— Потому что прежде её должен увидеть он сам.

Тимко вспомнил колесо, толпу и собственную руку на рычаге. Сравнивать себя с громовержцем не хотелось. Ещё меньше хотелось замечать сходство.

Ворона пригнула голову. Её перья поднялись от невидимого ветра.

На поверхности воды вспыхнула белая трещина. Люди исчезли. Вместо них возникла горная стена, освещённая холодным рассветом.

— В старых сказаниях оковы Прометея ищут в горах Кавказа. Но ворона показала нам другую дорогу: Зевс перенёс узника к скалам Демерджи, в Крым, туда, где сходятся не только дороги, но и древние истории. Стражем он поставил Орла.

— Того, который клюёт? — спросил Тимко.

Ворона резко ударила крылом по столу.

— Его, — сказала Ганна.

— Но Зевс оставил условие, — продолжила ворожея. — Он был уверен, что люди не сумеют воспользоваться всем, чему научил их Прометей. Поэтому объявил: если смертные сами доберутся до скалы и разомкнут оковы до седьмого рассвета, пленник станет свободен. Ни один бессмертный не имеет права помогать им или мешать сверх назначенного приговором. Орёл остаётся стражем. Камень с каждым рассветом поднимается вокруг пленника. На седьмой раз сомкнётся и усыпит его так глубоко, что ни человеческий голос, ни огонь уже не разбудят.

Тимко посмотрел на свет за окном. День только перевалил за середину, но ему вдруг показалось, что солнце движется слишком быстро.

— Какой сегодня рассвет?

Ворожея задала вороне несколько коротких звуков, приложила к столу семь семян и по одному стала убирать. Птица клюнула четвёртое, потом отбросила ещё одно.

— Она прилетела после четвёртого, — сказала Ганна. — Значит, осталось три?

Старуха не ответила сразу.

— Это её счёт, а не наш. Птица могла начать раньше или позже. Пока запишем: времени мало. Точный срок надо проверить.

— Мы и так знаем достаточно, — сказал Тимко. — Надо ехать.

— Куда именно?

— В Крым. На Демерджи.

— С какой стороны подойти к скале?

— Со стороны дороги.

— Какой?

— Ближайшей.

— Чем размыкать оковы?

Тимко посмотрел на обломок цепи.

— Клещами.

— Какими?

— Большими.

Ворожея слегка улыбнулась.

— Хорошо, что мы знаем всё необходимое.

Ганна закрыла ладонью рот, но смешок всё-таки вырвался.

Тимко насупился.

— Пока будем проверять, камень поднимется ещё выше.

— Поэтому проверять надо не всё на свете, — сказала старуха. — Только то, без чего помощь превратится в новую беду.

Она поставила перед вороной чашку с водой и показала на юг. Потом коснулась цепи, камня и края подноса, изображавшего обрыв. Птица внимательно следила.

— Лети обратно, — велела ворожея. — Узнай, может ли пленник пить. Посмотри подход к скале. Нижний и верхний. Не сражайся со стражем. Увидишь его — уходи.

— Она поймёт всё это? — спросил Тимко.

— Не всё. Поэтому я показала только то, что можно увидеть и принести назад.

Ганна записала: «Проверить воду. Две дороги. Орёл».

Ворона выпила несколько глотков, затем подлетела к двери. На пороге она задержалась возле Тимко. Мальчик протянул руку. Птица посмотрела на пальцы, которые недавно распутали леску, и осторожно коснулась клювом его ногтя.

— Вот теперь благодарит, — сказал он.

Ворона ущипнула его и вылетела во двор.

— Или напоминает, кто здесь свидетель, — заметила Ганна.

Они выбежали следом. Птица поднялась над садами, сделала круг над ручьём и взяла направление на юг.

Далеко впереди лежали степь, море и Крымские горы. Ни Тимко, ни Ганна не могли их отсюда видеть. Но впервые оба почувствовали: рассказанная беда уже не была старой сказкой. Пока они стояли у крыльца, над настоящей скалой поднимался настоящий камень.

И где-то под ним человек, научивший других строить лодки и добывать огонь, ждал, сумеют ли они хотя бы правильно услышать ворону.

Лукьян и Трофим пришли, когда чёрная точка уже исчезла в солнечной дымке. Кузнец принёс с собой обломок цепи, а Лукьян — нож Тимко, тщательно вытертый и вложенный в ножны.

— Ты его всё-таки нашёл, — обрадовался мальчик.

— Он лежал там, где ты его положил. Рядом с опорой.

Тимко забрал нож и пристегнул к поясу.

— Я бы вернулся.

— Вернулся, — согласился отец. — Потому и нашёлся.

Ворожея пересказала взрослым только установленное. Трофим не перебивал. Он взял обломок цепи двумя пальцами, проверил звено на изгиб и положил обратно.

— Обычным железом божественное не перекусишь, — сказал он.

— А необычным? — спросил Тимко.

— Не знаю. С божественным железом меня пока не знакомили. Возможно, оно тоже любит, чтобы о нём сначала всё решили по внешнему виду.

Он попросил Ганну показать страницу. Девочка открыла тетрадь на трёх столбцах. В первом стояло: «видела»; во втором: «слышала от пленника»; в третьем: «думаем».

— Хорошая кузнечная работа, — одобрил Трофим.

— Это же записи, — сказал Тимко.

— В кузнице тоже отделяют то, что видят, от того, что думают. Видишь красный металл. Думаешь, что он достаточно прогрет. Ударяешь — и узнаёшь, где ошибся. Только Ганна предлагает узнать до удара.

Лукьян долго смотрел на южную дорогу.

— Через обычные переправы до Демерджи быстро не добраться.

— Есть старые пути, — сказала ворожея. — Те, что помнят больше человеческих дорог. На Кубани сохранились перекрёстки нартов. Через Тамань проходят туманные переправы. Но короткий путь никогда не бывает просто коротким. Он требует, чтобы путник понимал, куда вошёл.

— Ты знаешь дорогу?

— Начало. Дальше придётся спрашивать тех, кому принадлежит каждая история.

Трофим оживился.

— Если речь об оковах, стоит идти через кузницы нартов. В сказании Батараз освободил прикованного Насрена. Может, там помнят не только силу удара, но и устройство пут.

— Сказание не карта, — сказал Лукьян.

— Верно. Но хорошая карта тоже когда-то была чьим-то рассказом о пройденной дороге.

Тимко следил за взрослыми. Никто из них не объявлял, что знает ответ. Даже ворожея, которой, по мнению половины станицы, было известно всё от погоды до причины соседского кашля, оставляла в объяснениях пустые места.

— Значит, мы пойдём? — спросил он.

Лукьян посмотрел сначала на сына, потом на сломанное колесо, видневшееся между садами.

— Значит, дождёмся птицу и решим на кругу.

— Если она вернётся поздно, потеряем день.

— Если не вернётся, это тоже будет сведением.

— Каким?

— Что дорога опаснее, чем мы думаем.

Тимко уже открыл рот, но вспомнил треск левой опоры и промолчал.

Ворожея собрала рассыпанные семена. Ганна помогла ей, раскладывая каждое в свою кучку. Тимко поднял опрокинутую миску и соскрёб кашу со стола во двор курам. Кот вернулся из-под лавки, убедился, что ворона улетела, и снова занял крыльцо.

Старуха прикрыла ставню от ветра. На столе оставались рассыпанные семена, во дворе требовали корму куры. Беда с другого конца света не отменяла ни одного здешнего дела.

Пока рядом лежал только веник.

Тимко взял его и начал подметать крыльцо.

Ворона тем временем летела на юг с чашкой воды. Она ещё не знала, что у той скалы самая страшная беда — вовсе не отсутствие воды.

Глава третья. До седьмого рассвета

Весть разошлась по станице раньше, чем ворона скрылась за горизонтом.

Сначала её понесли дети. Они знали меньше всех, зато говорили быстрее. У колодца уже рассказывали, будто на крымской горе сидит прикованный великан и просит принести ему кузницу. Возле коновязи к кузнице добавился корабль. У пекарни кто-то уверял, что Зевс собирается уронить на станицу целую скалу, если люди не отдадут ему все железные цепи.

Ворожея вышла на площадь и пресекла это одним вопросом:

— Кто видел?

Рассказчики замолчали.

— Ворона, — сказала Ганна.

— Что именно?

Девочка раскрыла тетрадь.

— Человека у скалы. Оковы. Птицу, которая его клюёт. Остальное пленник рассказал вороне. А про срок мы пока знаем неточно.

— Так и передавайте, — велела старуха. — Иначе к вечеру нам придётся спасать троих Прометеев от семи Зевсов.

А настоящая ворона в это время летела на юг.

Сначала под ней тянулась степь, разделённая дорогами, речными изгибами и полосами полей. Потом блеснула широкая вода. За нею земля становилась каменистой, поднималась складками, и наконец впереди показались горы.

Ворона знала эту дорогу не по названиям. Она запоминала высокие деревья, крыши, где можно было отдохнуть, башни, возле которых били колокола, и места, где ветер подхватывал птицу снизу. На обратном пути ей предстояло найти те же знаки в другом порядке.

К чашке была привязана тонкая петля. Ворона несла сосуд то в когтях, то в клюве. Вода расплёскивалась. Птица несколько раз опускалась к ручьям, снова наполняла чашку и всякий раз теряла часть на взлёте.

К середине пути она поняла то, чего Тимко не спросил: донести воду труднее, чем сказать «принеси воду».

Демерджи поднялась из дымки. Её каменные вершины меняли очертания с каждым поворотом. Издали одна скала напоминала голову великана, другая — башню, третья — согнутую спину человека. Ни одно сходство не длилось долго. Гора будто не позволяла решить за неё, чем она является.

На склоне стояли каменные столбы и глыбы, похожие на замерших путников. Между ними вилась тропа. Днём она была просто горной дорогой. Но ветер проходил среди камней и собирал голоса, оставленные здесь страхом, памятью и одиночеством. Поэтому люди называли её Тропой привидений.

Ворона облетела верхний край. Тропа выводила к обрыву, но не спускалась к пленнику. Снизу вдоль скалы тянулась другая дорога — узкая, осыпающаяся, зато приводившая к выступу возле цепей.

Птица запомнила обе.

Прометей находился там же, где она оставила его. Только камень поднялся выше. Серый наплыв уже охватил ноги и пояс, подступал к груди. Руки были разведены цепями. Каждый вдох давался так, словно гора училась дышать вместо него.

Ворона опустилась на выступ.

Прометей открыл глаза.

— Ты вернулась.

Птица поставила чашку перед ним.

— И даже принесла воду. Значит, где-то ещё помнят гостеприимство.

Она наклонила сосуд к его руке. Пальцы Прометея не дотянулись. Ворона переставила чашку ближе. Цепь звякнула; рука остановилась в двух ладонях от воды.

Птица попробовала поднять чашку в клюве. Край задел камень, вода пролилась на скалу.

Прометей успел поймать языком несколько капель и улыбнулся.

— Не сердись. Иногда попытка приносит меньше, чем мы хотим, но больше, чем было.

Ворона рассердилась ещё сильнее. Она наполнила чашку из тонкой струйки, сочившейся выше по стене, и попыталась снова. Теперь поставила одну лапу на край, удерживая сосуд от наклона. Прометей дотянулся настолько, насколько позволила цепь. Между его пальцами и чашкой всё равно оставался палец пустоты.

Тогда ворона стала бросать воду клювом, капля за каплей. Большая часть падала мимо, но Прометей больше не шутил. Он ждал каждую каплю и благодарил так, будто пил из золотого кубка.

Над скалой прошла широкая тень.

Ворона припала к камню.

Орёл не нападал сразу. Он сделал круг, второй, затем сел на выступ выше. Когти царапнули гранит. Голова повернулась, золотой глаз остановился на маленькой чашке.

— Улетай, — тихо сказал Прометей.

Ворона схватила сосуд.

Орёл расправил крылья.

— Не к станице, — добавил пленник. — Сначала уведи его в сторону.

Слова птица поняла не полностью. Но направление взгляда поняла. Она сорвалась вниз вдоль стены, почти касаясь крылом камня.

Орёл прыгнул следом.

Ветер ударил вороне в спину. Чашка качнулась. Птица пролетела над нижней дорогой, нырнула между двумя каменными башнями и резко ушла вбок. Орёл не смог повторить поворот: его крылья были слишком велики. Он поднялся выше, теряя мгновение.

Ворона бросила чашку в расщелину, чтобы освободить когти, пролетела через узкое окно между глыбами и вернулась за нею снизу. Бечёвка зацепилась за камень. Пришлось рвануть. Узел выдержал, а несколько перьев остались на выступе.

Орёл снова настигал.

Тогда ворона направилась не к северу, а к морю. Она летела низко над склоном, исчезала среди деревьев, поднималась только там, где камни перекрывали прямой путь. Орёл преследовал её до тех пор, пока гора не осталась далеко за спиной. Лишь тогда птица сложила крыло, провалилась почти к самой воде и, скрытая берегом, повернула к станице.

На обратном пути чашка казалась вдвое тяжелее. Ворона отдыхала чаще. Один раз уснула на ветке и едва не выпустила бечёвку. Но сосуд был нужен: словами она не могла объяснить, что Прометей видит воду и не способен коснуться её.

Отдохнув, птица снова поднялась в воздух.

Она не знала, приняли ли люди решение. Не знала, сколько рассветов осталось. Знала только, что камень достиг плеч и что на свете есть расстояния, которые нельзя преодолеть одними крыльями.

Однако точная новость оказалась тревожнее выдуманной. В станице не было человека, который не пользовался бы хотя бы одним из даров Прометея. В кузнице звенел металл. В пекарне горел огонь. У реки конопатили лодку. Женщины сушили глиняные кувшины, плотник правил рубанок, дети прятали в карманах кремни, потому что после рассказа каждому захотелось немедленно высечь искру.

Оказалось неудобно говорить, что ссора богов людей не касается, стоя возле печи, держа железный нож или собираясь плыть под парусом.

Но неудобство ещё не было решением.

На площади спорили.

— До Крыма путь не близкий, — говорил один казак. — Пока доберёмся, седьмой рассвет десять раз наступит.

— Рассвет не может наступить десять раз до седьмого, — заметил Семён Кривой Рог.

— Ты понял, что я хотел сказать.

— Я понял, что считать тебя в походе нельзя.

Другой казак полагал, что в дело бессмертных лучше не вмешиваться.

— Зевс молниями распоряжается. А у нас крыши соломенные.

— Если условие дозволяет людям освободить пленника, значит, вмешательство уже предусмотрено, — возразила ворожея.

— А если ворона ошиблась?

— Ворона могла не понять рассказ. Поэтому мы ждём того, что она увидит сама.

Тимко стоял рядом с отцом и всё сильнее сердился на разговоры. Ему казалось, что пока взрослые перебрасываются словами, время падает в невидимую щель, как его шестерёнка в быстрый рукав.

— Надо собирать телегу, — прошептал он Лукьяну.

— Сначала узнаем, куда её вести.

— На юг.

— На юге много дорог.

— Тогда поедем по всем.

Лукьян посмотрел на сына.

— Ты сегодня уже пробовал пустить силу прежде, чем понял устройство.

Тимко отвернулся. Ему хотелось возразить, но сломанное колесо виднелось с площади.

Ждать оказалось труднее, чем работать. Чтобы занять руки, Трофим открыл кузницу. Он выбрал самые большие клещи, проверил губки, отложил молоты и моток крепкой верёвки. Возле стены стояла небольшая двухколёсная тележка, которой обычно возили уголь. Одно колесо шаталось.

— Если всё равно ехать, её надо чинить, — сказал Тимко.

— А если не ехать? — спросил Трофим.

— Тогда будет исправная тележка.

— Наконец-то довод, который не зависит от богов.

Они сняли колесо. Тимко хотел сразу забить в ступицу новый клин, но вспомнил расколотую опору и сначала попросил Трофима приподнять край тележки. Ганна подложила чурбак.

— Я могла бы его нарисовать, — сказала она.

— Чурбак?

— Как он стоит. Чтобы в следующий раз не искать.

— Лучше нарисуй втулку. Только от одного места.

Она поняла, что это была попытка помириться.

— И подпишу, от какого.

Они работали, пока площадь гудела. Тимко выстругал клин, Ганна измерила втулку бечёвкой, Трофим выправил железный обруч. Лукьян то помогал им, то возвращался к спорящим. Он не говорил, поведёт ли отряд, и от этого Тимко стучал молотком сильнее, чем требовалось.

К полудню над степью появилась чёрная точка.

Ганна заметила её первой. Она поднялась на тележку, заслонила глаза ладонью.

— Летит.

Спор на площади стих не сразу. Потом кто-то указал на небо, и люди стали выходить из домов.

Ворона приближалась неровно. Она то взмахивала крыльями, то словно падала на ветер. В когтях у неё покачивался маленький глиняный сосуд, перевязанный бечёвкой.

— Чашка ворожеи, — сказала Ганна.

Птица опустилась на колодезный журавль и едва удержалась. Перья на одном крыле были растрёпаны.

— Орёл, — прошептал Тимко.

Ворона выпустила сосуд. Лукьян поймал его прежде, чем тот разбился. Чашка была полна воды.

— Не донесла? — спросил Семён.

Ворона каркнула, слетела на землю и подошла к чашке. Она наклонила её к нарисованной Ганной фигурке человека, но вода потекла мимо вытянутых рук. Тогда птица расправила крылья, ударила клювом возле груди и показала головой вверх.

Ворожея поставила на землю поднос с песком.

Ворона провела длинную линию, у её конца выцарапала стену. К стене вела пологая борозда снизу. Потом птица взлетела на край подноса и несколько раз клюнула песок сверху.

— Два подхода, — сказала Ганна. — Нижний и верхний.

Ворона каркнула.

— Верхний заканчивается над ним, — добавила девочка. — Я так думаю.

— Запиши именно так, — сказала ворожея. — «Думаю».

Птица вернулась к фигурке, согнула лапы и опустила грудь всё ниже. Затем коснулась клювом плеча фигурки.

— Камень поднялся, — сказал Тимко. — Уже до груди.

Ворона поправила его, клюнув выше.

— До плеч, — сказала Ганна.

На площади никто больше не спорил о том, существует ли пленник.

— Он знает, что мы услышали? — спросила Ганна.

Ворона замерла.

— Ты показала ему, что летишь к людям? Что помощь может прийти?

Птица опустила голову.

Ответ поняли без перевода.

— Значит, он не знает, — сказала девочка. — Он ждёт и не знает, что хоть кто-то собирается решать.

Эти слова сделали то, чего не смогли доводы. Люди перестали смотреть друг на друга в поисках первого смельчака. Теперь каждый представил человека у скалы, который не знал даже о том, что его весть дошла.

Лукьян вышел в середину круга.

— Я поведу, — сказал он. — До Крыма пойдём короткой дорогой через старые переправы. У Демерджи сначала разведаем нижний подход. Трофим, нужны клещи, малый инструмент, верёвки и то, чем можно поднять человека.

— И кузнец, — ответил Трофим. — Железо без меня может неправильно понять ваши намерения.

— Пойдёшь?

— Уже складываю молоты.

Семён Кривой Рог шагнул вперёд.

— Я тоже.

Лукьян покачал головой.

— В станице должны остаться люди. Если ворона принесёт новую весть, кто-то обязан собрать помощь и отправить следом. Кроме того, после вашего сегодняшнего купания сады без присмотра оставлять нельзя.

— Моего участия боишься?

— Твоего счёта до семи.

Семён подумал и согласился, что это веская причина.

Круг решил: Лукьян ведёт малый отряд, Трофим отвечает за железо и снасти, ворожея остаётся связью между дорогой и станицей. Соседи дают припасы, ремни, верёвки, сменную ось для тележки и всё, что можно унести без второй тележки.

Тимко дождался, пока решения закончатся.

— Я иду с вами.

Лукьян повернулся к нему.

— Нет.

— Почему?

— Потому что дорога опасна.

— Прометею ещё опаснее.

— Это ничего не меняет.

— Я починил тележку.

— С Трофимом и Ганной.

— Значит, умею работать не один.

— Сегодня научился. Один раз.

Тимко почувствовал, как на них снова смотрит вся площадь. Утром он уже пытался доказать своё мастерство перед людьми. Теперь слова теснились в горле, каждое требовало немедленно выпустить именно его.

Он почти сказал, что уйдёт тайком. Почти напомнил, что спас ворону. Почти пообещал не ошибаться.

Но обещание не ошибаться после сломанного колеса прозвучало бы особенно неубедительно.

— Я знаю тележку, — сказал он наконец. — Могу чинить её в дороге. Умею работать ножом, ставить простые крепления и вязать два узла. Третий пока путаю. Не умею размыкать божественные цепи и не знаю дороги. В опасное место без твоего разрешения не полезу.

Лукьян не ответил.

Ганна выступила рядом.

— Я тоже пойду.

— Ты хотя бы не обещай, что всё знаешь, — сказал Лукьян.

— Не обещаю. Я понимаю несколько сигналов вороны. Остальные буду записывать как непонятные. Знаю травы от ушибов и ожогов. От укусов змеи знаю только одну, и ворожея говорит, что я её всё равно путаю с другой. Ещё умею считать припасы. Если считать от одного места.

Тимко взглянул на неё. Ганна держала тетрадь открытой.

— Мы не хотим ехать вместо взрослых, — продолжила она. — Мы хотим быть полезными рядом.

Лукьян посмотрел на Трофима.

— Не на меня смотри, — сказал кузнец. — Я в их возрасте ушёл искать говорящий молот.

— Нашёл?

— Нашёл обычный. Но пока искал, научился слушать.

Ворожея отвела Лукьяна в сторону. Они говорили тихо. Тимко различил только: «ответственность», «не развлечение» и «всё равно полезут», после чего решил, что последняя часть разговора ему нравится больше первых двух.

Лукьян вернулся.

— Пойдёте помощниками. Не героями. Решение о переходе принимаю я. У опасной работы остаётесь там, где вам скажут. Если не знаете — говорите. Если видите опасность —

говорите громко, даже если уже сказали один раз. Если кто-то из вас нарушит договор, оба возвращаются с первым надёжным человеком.

— Почему оба? — одновременно спросили Тимко и Ганна.

— Чтобы вы следили не только за собой.

Дети переглянулись.

— Согласны, — сказала Ганна.

Тимко кивнул на мгновение позже.

— Раз помощники, начинайте сейчас, — сказал Лукьян. — Ганна, сколько людей мы можем кормить пять дней тем, что уже принесли? Тимко, проверь тележку под настоящим грузом, не на пустом ходу.

Ганна села у стены кузницы, выложила перед собой сухари, мешочки с крупой и связки рыбы. Сначала считала каждую вещь отдельно, потом сбилась, зачеркнула половину строки и начала снова.

— Ты же говорила, что умеешь, — заметил Тимко, укладывая на тележку мешок с песком.

— Умею. Поэтому начинаю заново, когда ошиблась.

— Можно было сделать вид, что первая сумма правильная.

— Можно. Тогда на пятый день мы сделали бы вид, что сыты.

Тимко нагрузил тележку так, как считал разумным: тяжёлые клещи сбоку, моток верёвки сверху, малый ящик впереди. Трофим молча наблюдал. Лукьян взялся за оглобли и сделал несколько шагов. На первом камне тележку повело вправо.

— Колесо, — сказал Тимко.

— Какое?

Он присел, потрогал обе ступицы и ничего не нашёл. Тогда посмотрел на груз. Клещи свешивались с правой стороны.

— Не колесо. Я положил тяжёлое сбоку.

— Исправляй.

Тимко переложил клещи в середину, связал их с рамой и снова проверил ход. Теперь тележка шла прямо, но на повороте ящик пополз вперёд.

— Ещё ремень, — сказал он.

— Ремней немного, — напомнил Трофим. — Каждый, которым ты привяжешь ящик, не будет держать человека у скалы.

Тимко развязал свой узел и продел верёвку через ручку ящика и раму, используя уже имевшееся крепление. Узел затянулся, но выглядел некрасиво.

— Это тот третий? — спросил Лукьян.

— Который я путаю.

— Значит, не оставляй его спутанным.

Трофим показал один раз. Тимко повторил. С первой попытки петля вышла слишком свободной, со второй — такой тугой, что её нельзя было развязать. На третьей узел лёг правильно.

— Запомнил? — спросил кузнец.

— Да.

— Тогда развяжи и сделай ещё раз.

— Зачем, если получилось?

— Потому что в дороге тебе понадобится не этот узел, а умение его вязать.

Тимко хотел сказать, что времени мало. Но именно поэтому молча развязал.

Ганна тем временем закончила подсчёт.

— На четверых хватит на четыре дня, если один из четверых Трофим. На пять — если он согласится есть как обычный человек.

— Неверный расчёт, — сказал кузнец. — В дороге я ем за двоих только первые три дня.

Она посмотрела на ворожею.

— Как считать?

— Запиши пределы. Четыре дня наверняка. Пятый — если найдём воду и пополним еду.

— Значит, надо взять больше.

— Или идти быстрее, — сказал Лукьян. — Лишний груз тоже отнимает время.

Ганна записала оба условия. Потом подошла к тележке и проверила узел Тимко.

— Держит.

— Теперь уверенна?

— Теперь вижу.

Лукьян ещё раз провёл тележку по двору, через камень, по грязной колее и вокруг колодца. Тимко шёл рядом, слушая скрип. В одном месте он поднял руку.

— Стой.

Отец остановился сразу.

Тимко нашёл конец бечёвки, который тёрся о колесо, и переложил его.

— Теперь можно.

Лукьян повёл тележку дальше, не присев к колесу проверять сынов узел. Тимко посмотрел ему вслед.

Никто на площади не похвалил Тимко. И он, к собственному удивлению, не обиделся.

Подготовка началась сразу. В станице любили собирать человека в дорогу так, будто он уходил на три дня, три года и на всякий случай собирался основать новое поселение.

К тележке несли мешки с сухарями, крупой, солью, луком, сушёной рыбой, яблоками и чесноком. Одна хозяйка принесла подушку. Другая — чугунный котёл, который весил больше половины Ганны. Семён Кривой Рог явился с запасной папахой.

— Зачем? — спросил Тимко.

— Если ваше колесо встретится по дороге.

Трофим без жалости откладывал лишнее.

— Один котёл. Две верёвки. Клещи. Малый ящик. Ремни. Парусина. Запасная ось.

— Молотов сколько? — спросил Тимко.

— Большой и малый.

— А средний?

— Средний останется думать, почему его не взяли.

От сломанного водяного колеса сняли одно исправное малое колесо, служившее для передачи движения к желобу. Тимко хотел возразить: без него устройство точно не заработает. Потом вспомнил человека у скалы, который не мог дотянуться до воды, и сам открутил крепление.

— Вернём, — сказал Лукьян.

— Я знаю.

— Я не про колесо.

Тимко поднял голову. Отец затянул ремень на тележке и больше ничего не добавил.

Ворожея перевязала воронье крыло мягкой полоской ткани. Птица возмущалась, но терпела. Ганна села рядом и повторяла сигналы.

Один короткий крик означал опасность впереди. Два — дорога свободна. Три и длинный — человек у скалы. Круг над отрядом — вернуться. Полёт низко над дорогой — следовать за ней.

— А если она каркнет четыре раза? — спросил Тимко.

— Запишем, что каркнула четыре раза, — ответила Ганна.

— Правильно, — сказала ворожея.

К вечеру тележка была готова. Новое колесо вращалось ровно. Тимко проверил клин, потом позвал Ганну и попросил проверить ещё раз. Она измерила зазор бечёвкой.

— Сейчас ровно.

— Уверена?

Ганна подумала.

— В пределах того, что я умею измерять.

— С тобой стало труднее разговаривать.

— Зато тележке легче ехать.

Солнце опускалось. Ворота станицы отбрасывали длинную тень на дорогу.

Лукьян встал впереди. Трофим взялся за одну оглоблю, Тимко — за другую. Ганна устроила тетрадь в сумке так, чтобы можно было достать её на ходу. Ворона поднялась на крышу крайнего дома.

Провожать вышли все, кто утром смеялся у колеса, и многие из тех, кто не смеялся только потому, что не успел подойти.

Тимко оглянулся. За садами виднелся обод его изобретения. Без малого колеса, с подпереннной осью и разобранным желобом оно казалось незаконченным.

Тимко переложил ремень ящика на другое плечо. Отец уже нёс самую тяжёлую часть груза, и мальчик впервые удержался от привычного: «Дай понесу полегче».

— Готов? — спросил Лукьян.

Тимко поправил ремень на плече.

— Не знаю.

Отец кивнул.

— Хороший ответ. Пошли.

Они пересекли тень ворот.

Ворона сорвалась с крыши и полетела впереди низко над дорогой.

Позади остались белёные дома, запах дыма, ручей и сломанное колесо. Впереди лежали Кубань, старые переправы, море и гора Демерджи, которую пока никто из детей не видел.

Над дорогой зажглась первая вечерняя звезда.

До седьмого рассвета оставалось меньше времени, чем они думали.

Глава четвёртая. Дорога, которой не было на карте

Ночью Тимко проснулся оттого, что тележка остановилась.

Он не сразу понял, где находится. Сбоку тяжело дышал Трофим, завернувшийся в бурку так основательно, словно решил переждать в ней все семь рассветов. За спиной темнели мокрые от росы камыши, над головой стояли непривычно крупные звёзды. Из темноты донёсся тихий звон железа.

Тимко схватился за нож.

— Руки оставь при себе, — сказал отец.

Лукьян сидел у переднего колеса и пальцами ощупывал обод. Звон исходил от металлической скобы: она задевала за новую спицу при каждом повороте.

— Я думал, вор, — признался Тимко.

— Хорошо, что вор не слышал. Обиделся бы, если б его приняли за скобу.

Отец подложил под раму короткую чурку. Тимко соскочил с телеги, потянулся за инструментом, но Лукьян придержал его за запястье.

— Сперва послушай. Что слышишь?

— Железо.

— А ещё?

Тимко помолчал. В темноте журчала вода, где-то далеко перестукивали копыта. И правда: при каждом осторожном покачивании тележки звон возникал лишь тогда, когда левое колесо опускалось в колею.

— Рама играет, — сказал он. — С правой стороны груз выше.

— Проверим утром. Ночью на чужой дороге не всякую беду надо разбирать по винтику.

— Почему?

— Потому что иногда беда в винтике. А иногда в том, что ты снял колесо ночью и не заметил, куда покатились гайки.

— У нас деревянный клин, — поправил Тимко.

— Тем более. Укатывается он быстрее гайки.

Отец поправил ремень так, чтобы скоба отошла от спицы, и лёг рядом с тележкой. Тимко устроился возле Ганны. Девочка не спала: у неё на коленях лежала раскрытая тетрадь, но записать что-либо при звёздах она не решалась.

— Что ты хотела нарисовать? — шепнул он.

— Дорогу.

— Её не видно.

— Потому и хотела. Завтра не будет ясно, как мы сюда попали.

Тимко собирался сказать, что дороги никуда за ночь не исчезают. Но в этот миг за ближним камышом вспыхнул крохотный белый огонёк, затем второй. Они стояли не на воде и не на земле, а чуть выше, в воздухе, точно кто-то невидимый понёс вдоль берега две свечи.

— Видишь? — спросила Ганна.

— Вижу.

— Как думаешь, что это?

— Если скажу «дорога», тебе понравится?

— Нет. Дорога — это там, где можно пройти. А там пока только огоньки.

Огоньки исчезли. Ни птица, ни зверь не шелохнулись. Тимко вдруг обнаружил, что не так уж торопится вставать и проверять их.

Утро застало их уже на Кубани.

К утру они прошли знакомые просёлки, миновали широкую воду и оставили позади последние станичные сады. А с восходом солнца земля вокруг будто переставила собственные углы: тропы сходились не там, где должны были, и близкие холмы уходили за дальние.

Дорога расходилась на три. Первая спускалась к селению, откуда тянуло дымом и овечьей шерстью. Вторая уходила прямо в высокую траву. На третьей стоял камень ростом с Трофима, исписанный выщербленными знаками.

Трофим остановился перед камнем. Потрогал первый знак, затем второй и неожиданно снял шапку.

— Ты знаком с камнем? — спросил Тимко.

— С возрастом знаком. Видел его ещё маленьким.

— Камень был маленьким?

— Я был. Прежде чем спрашивать, подумай, кому из нас проще расти.

Ганна подняла взгляд от тетради.

— Здесь две стрелы. Одна вела к селению, когда её вырезали. Другая похожа на открытые ворота.

— А третья? — спросил Лукьян.

Она провела ногтем по самому древнему, почти исчезнувшему рисунку. Там виднелись три насечки, похожие одновременно на ветки дерева и молнии.

— Не знаю.

Трофим одобрительно крякнул.

— Старинная надпись впервые за много лет услышала правдивый ответ.

Он показал рукой на дорогу через траву.

— Туда, если верить следам, люди ходят к своим. А эта, — он указал на стёртые ворота, — раньше приводила к сказаниям.

— К сказителям? — уточнил Тимко.

— И к ним тоже. Только не путай одно с другим. Сказитель расскажет тебе про богатыря. Старая дорога может привести туда, где богатырь оставил след.

Тимко встал на камень, чтобы заглянуть за траву.

— А можно рассказать, что мы уже там? Тогда идти не придётся.

— Попробуй, — разрешил Трофим.

— Мы уже в кузнице нартов! — торжественно объявил Тимко.

Перед ними по-прежнему шелестела трава. Из придорожной ямки выполз жук.

— И кузнец прислал за нами повара, — добавила Ганна.

Трофим слез с камня и повернул тележку к самой старой тропе.

— Мифическая дорога не появляется от громкого голоса. Она либо существует, либо нет. Кто захочет, может обозвать осла крылатым конём. Осл от этого не полетит, но обидится за сравнение.

Следов колёс на древнем пути не было. Почти не было и травы: под тонким слоем земли лежали плиты, гладкие от давнего движения. На одной плитке виднелся отпечаток огромной босой ступни. Тимко с удовольствием приложил рядом свой сапог.

— Вот это человек!

— Может, — ответил Лукьян. — А может, след вырезали. Не всякому отпечатку полагается хозяин.

Ганна измерила отпечаток бечёвкой, записала длину и оставила страницу без названия. Тимко подумал, что ещё вчера сказал бы: «Великан прошёл», а теперь ему захотелось узнать, почему края следа одинаково ровные. Он не стал делиться этим открытием. Оно казалось слишком маленьким, чтобы произносить его вслух.

Тропа вывела их на поляну, где росли две груши: одна цветущая, другая усыпанная спелыми плодами. Между деревьями тянулся ручей, а на его мостике сидел человек в старой войлочной шапке. Он чинил ремень на сандалии и не обращал на путников внимания.

— Доброе утро, — сказал Лукьян.

— Кому доброе, тому и утро, — ответил человек.

— К кузнице пройдём?

— Пройдёте. Если дорога пропустит.

Тимко взглянул на Трофима. Тот едва заметно качнул головой: спорить не надо.

— Что значит «пропустит»? — спросила Ганна.

Человек указал на мостик.

— Положите на него столько, сколько он держит, и перейдёте. Положите больше — отправитесь к рыбам. Они добрые слушатели, только разговор у них короткий.

Мост был крепок на вид, с боковыми поручнями и двумя широкими настилами. Тимко поставил ногу на край, проверил дерево и уверенно сказал:

— Выдержит тележку. Здесь сосна, а не гнилая лоза.

Лукьян опустился на корточки. Под настилом виднелась поперечина, лежавшая на двух округлых камнях. Один камень пошатнулся от лёгкого толчка.

— И сосна не поможет, если опора не на месте.

— Можно положить третий камень, — сказал Тимко.

— Можно. Но чья это дорога? Сначала спроси, можно ли её чинить.

Человек на мостике наконец поднял глаза. Они оказались удивительно молодыми для его седой бороды.

— Чините, раз видите, что надо. Только не перестраивайте весь мост, чтобы доказать мне, какой вы умный народ.

Трофим принёс плоский камень. Тимко лёг животом на настил, просунул руку вниз, но до поперечины не дотянулся. Он хотел протолкнуть камень ногой, когда Ганна заметила, что такой толчок как раз выбьет вторую опору.

— Подождите. Я подам снизу по бечёвке.

Отец снял с тележки короткий ремень. Они пропустили его под балкой, приподняли край ровно настолько, чтобы Тимко поставил камень, затем медленно опустили. Настил перестал качаться.

— Теперь можно, — сказал мальчик.

— Теперь сначала пусть пройдёт один, — ответил Лукьян.

Он перешёл мост без груза. Доски не дрогнули. Затем Трофим и Тимко провели тележку, а Ганна несла отдельно тяжёлый ящик с инструментом. Старик в войлочной шапке внимательно смотрел, как они распределяют тяжесть.

— Откуда знаете этот путь? — спросил он, когда все собрались на другом берегу.

— От кузнеца, — ответил Тимко.

— А кузнец откуда?

— Из детства, — подсказала Ганна.

Старик засмеялся и вдруг стал выглядеть моложе не только глазами.

— Верно. В детстве дороги помнят лучше. Потом человек начинает спешить и запоминает одну конечную станцию. Берегите то, что увидели, и не доверяйте старому камню больше, чем живому мосту.

Он вернулся к ремню. Когда Тимко обернулся, на мостике никого не было. Но сандалия лежала на перилах, и незаконченная петля по-прежнему ждала руки.

— Он исчез! — воскликнул мальчик.

— Или ушёл за грушу, — сказала Ганна.

Они посмотрели за обе груши. Там никого не оказалось.

— Тогда исчез, — согласилась девочка. — Но за грушей мы проверили.

К полудню дорога уже не казалась ни сказочной, ни короткой. Она шла вверх, вниз, пересекала старые русла, исчезала среди скал и снова появлялась там, где никто не ожидал. Солнце грело плечи, тележка тянула за руки, железо стучало о дерево. Даже Трофим перестал шутить на каждом подъёме, что для Тимко служило самым надёжным признаком трудного пути.

На стоянке у холодного ключа Лукьян велел остановиться.

— Проверяем снасти. Потом едим.

— Можно наоборот? — спросил Тимко.

— Можно. Если соберёшься чинить порванную верёвку пустыми руками, когда телега уже полетит вниз.

Ганна сняла с пояса тетрадь и стала сверять груз с утренним списком. Трофим осмотрел кузнечные клещи. Лукьян доверил Тимко большую верёвку: надо было найти на ней участки, потёртые о камень, и отметить их узлами, чтобы позже не закреплять на слабом месте тяжесть.

— Я умею смотреть верёвки, — сказал Тимко.

— Вот и смотри, — ответил отец.

Мальчику хотелось закончить быстро. Он нашёл две протёртые пряди, перевязал их короткой ниткой, потом потянулся к узлу, которым крепили ящик. Ремень казался слабым; одной рукой Тимко уже затягивал его покрепче, когда Ганна спросила:

— А развязать потом сможешь?

— Зачем развязывать, если держит?

— Чтобы взять клещи. Они там лежат.

Тимко замер. Он почти повторил вчерашнюю ошибку, только теперь из усердия. Вместо тугого узла он сделал такой, который можно было снять одним движением после разгрузки.

Лукьян наблюдал издали. Не похвалил и не вмешался. Подошёл лишь тогда, когда Тимко сам позвал:

— Я нашёл три плохих места. Проверь, пожалуйста, четвёртое. Здесь нитка вроде целая, а на ощупь мягче.

Отец взял верёвку и скрутил её между пальцами. Изнутри посыпалась сухая пыль.

— Правильно заметил. Сердцевина сопрела. Отрежем.

— Тогда верёвка станет короче.

— Зато надёжнее.

— На скале нам каждый локоть понадобится.

— И каждый живой человек понадобится. Если верёвка оборвётся, её длина никого не утешит.

Они вырезали повреждённый участок, соединили концы знакомым узлом, который Тимко накануне повторял по три раза, и только потом принялись за еду.

Трофим расправился с двумя сухарями и принялся за третий. Ганна строго посмотрела в тетрадь.

— На третий день тебе положено уже есть за одного.

— Это второй день, — возразил кузнец.

— Я заранее предупреждаю.

— Тетрадь у тебя грознее сабли. Саблей только машут, а тут всё записано.

Ворона появилась не сразу. Она прилетела со стороны гор, покружила над поляной и уселась на ветку так осторожно, будто берегла больное крыло. Ганна поднялась к ней, не протягивая руки раньше времени.

— Один короткий? — спросила она.

Птица смотрела на дорожный мешок. Тимко вынул сушёную рыбу.

— Она говорит, что голодна, — предположил он.

— Ты вчера не считал это переводом.

— Вчера у неё был другой вид.

Ворона каркнула один раз. Ганна мгновенно подняла голову.

— Опасность впереди.

Птица повторила крик, отлетела к узкому проходу между кустами и вернулась. Затем дважды стукнула клювом по ободу тележки.

— Это не наши условные два крика, — осторожно заметила Ганна. — Она стучит. Может, хочет, чтобы мы осмотрели тележку. Или показывает на дорогу.

Трофим перестал жевать.

— Сначала осмотрим и то и другое.

В проходе обнаружилась старая корневая западня: колея резко уходила вниз, а из земли торчал обнажённый корень. Если бы тележка пошла прямо, левое колесо попало бы под него и слетело со ступицы. Ганна показала на место, где ворона касалась обода. Тимко посмотрел на корень, потом — на колею.

— Похоже, она заметила ловушку для колеса, — сказал он. — Только я не уверен, что именно имела в виду.

Они нашли обход. Лукьян велел разгрузить ящик и провести тележку по одному, а не тянуть всех разом. Сам принял больше тяжести, чем следовало, но когда Тимко указал на острый камень под его сапогом, послушался и переступил.

Последний участок дороги оказался вымощен мелкими белыми камнями, которые перекатывались под ногами, как горох. Тележка шумела так, словно внутри неё кто-то тряс полную миску гвоздей. Тимко предложил поднять её за оглобли и нести. Трофим предложил сперва представить, сколько шагов они смогут так пройти.

— Сто, — сказал Тимко.

— А осталось тысяча или десять тысяч?

— Не знаю.

— Тогда твои сто шагов решают не ту задачу.

Они остановились возле пастуха, который чинил плетёную ограду. Пастух говорил на незнакомом Тимко языке. Трофим понимал несколько слов, но не всё; старик показал на ближайший гребень, затем на пологий обход вдоль речки. После разговора кузнец долго смотрел на две дороги.

— Что он сказал? — спросила Ганна.

— Через гребень быстро. Через речку легче.

— А про камни?

— Про камни я не понял.

Тимко уже поставил ногу на подъём.

— Если быстро, то нам туда.

— Быстро для кого? — спросил Лукьян. — Для конного? Для козы? Для человека налегке? У нас на двух колёсах кузница, а на кузнице четверо надежд.

Ганна нарисовала склон двумя линиями. Она не знала высоты гребня, поэтому рядом написала: «Не измерено». Тимко нахмурился — лишние осторожности казались ему особенно ненужными, когда противник считал рассветы. Но он вспомнил, как вчера поливал целую станицу из-за нетерпения, и молча повернул тележку к речке.

Обход занял немного больше времени, зато позволил нести груз без рывков. На одном повороте им пришлось пропустить стадо, которое целиком состояло из коз, убеждённых в собственном праве на дорогу. Одна задержалась у мешка с сухарями и заглянула в него с видом ревизора.

— Ей тоже корм на пятый день подсчитать? — спросил Тимко.

— Лучше не начинай, — ответила Ганна. — Она и первого не оставит.

У воды, когда солнце опустилось за лесистые холмы, отряд увидел первое дерево, в коре которого были вырезаны три старинных знака. Под ними кто-то совсем недавно оставил выемку ножом. Тимко проверил край — светлые волокна ещё не успели потемнеть.

— Здесь недавно проходили, — объявил он.

— Недавно для дерева — это не всегда недавно для человека, — возразила Ганна. — И кто проходил — мы тоже не знаем.

Трофим нашёл под деревом обломок железной стружки. Она была свёрнута красивой спиралью, какой не получается у невнимательного кузнеца. Он положил её на ладонь Тимко.

— А это чей след?

— Мастера?

— Вот именно. Тропа ведёт не туда, где нам всё объяснят, а туда, где умеют делать. Разницу не забудь.

Мальчик хотел сунуть стружку в карман и гордо объявить её своим первым трофеем. Потом вспомнил, что в мире, где металл порой разговаривает без языка, ненужные находки лучше не собирать. Он вернул стружку на камень, чтобы хозяин, если захочет, мог её увидеть.

На привале Лукьян достал из мешка маленькую луковицу, разрезал на четыре доли и посолил. Трофим смешал в котелке крупу с водой и сварил кашу. Сытной она была разве что по обещанию, но пахла дымом так вкусно, что даже Ганна перестала считать сухари.

Тимко ел и думал о том, что дома за столом ему обычно доставался последний разговор. Взрослые обсуждали цены на железо, рыбалку, соседские заботы, а он всё ждал минуты, чтобы сообщить об очередном изобретении. Здесь же отец спрашивал его, какую сторону переправы укрепить и какой ремень укоротить. Кажется, он впервые ехал в странствие не как мальчик, которого по неосторожности забыли дома, а как человек, за которым закреплена настоящая работа.

Отец заметил, что Тимко перестал есть.

— Устал?

— Нет.

— Если устал — скажи. Не жди, пока ноги сами сообщат.

— Я думал.

— Тоже полезное дело. Только после него иногда надо отдыхать.

Тимко улыбнулся. Хотел спросить, гордится ли им отец, но не спросил. Он чувствовал: дорога ещё слишком длинна, чтобы мерить каждое доброе слово. Вместо этого помог Лукьяну убрать котёл, а Трофиму — снова разложить инструмент так, чтобы тяжёлое лежало в середине.

Когда они двинулись дальше, дорога из белого камня неожиданно вывела к ровной полосе утоптанной земли. Здесь шли люди, на песке виднелись следы маленьких ног, копыт и узких колёс. Тропа старых сказаний соединилась с обычной дорогой без всякой двери и грома. Тимко оглянулся: исчезнувшего мостика за поворотом видно не было.

— Теперь мы опять в настоящем мире? — спросил он.

— А где ты был последние два часа? — ответил Трофим.

— Там, где старики исчезают из-за груш.

— Старики, между прочим, могут просто иметь короткую дорожку домой. Не делай из чужого умения волшебство, пока не проверил.

— Но камень с воротами был старый. И груши разные.

— Верно. Оттого мы и шли по этой дороге. Впрочем, сам ты пока умеешь лишь удивляться, а нам надо научиться спрашивать.

Ганна записала его слова по-своему: «Сначала спросить, что произошло. Потом — почему. Потом уже называть чудом». Тимко подсмотрел запись и хотел возразить, что в тетради недостаточно места для всех чудес. Но здесь впереди зазвенел молот, и никакие записи уже не могли соперничать с этим звуком.

К вечеру впереди открылась широкая долина. На пологом склоне стояли дома с деревянными галереями, над кровлями поднимался сизый дым. Коровы возвращались с пастбища, а по дороге прошёл мальчик с двумя корзинами — одна была полна яблок, другая почему-то совсем пуста. Он поздоровался с путниками и побежал дальше. От домов доносились стук молота и звон, который невозможно было спутать с обычным стуком подковы: металл отзывался глубоко, будто где-то под землёй отвечала вторая кузница.

— Аул, — сказал Трофим. — Если мои ноги помнят верно, тут можно найти кузнеца, который знает, что делать с железом, когда оно упрямее хозяина.

— Кузнеца лучше тебя? — спросил Тимко.

— У человека, который считает себя лучшим кузнецом на всей земле, работа обычно заканчивается раньше, чем начинается ученье.

Они подошли к ограде просторного двора. Под навесом стоял вороной конь с влажной от пота шеей. На левой передней ноге у него застрял широкий железный обруч, похожий на часть старой оковы. Обруч впился краем в кожу; конь не давал к ноге приблизиться, бил копытом и глядел на людей так, будто каждый пришёл повторить его беду.

Рядом, опустив руки, стояли двое помощников. Один держал верёвку, другой — большие клещи. У горна седой мастер, широкоплечий и спокойный, наблюдал не за железом, а за глазами животного.

— Пришли за железом? — спросил он, даже не обернувшись.

— За знанием, — ответил Трофим. — Железо у нас своё.

Мастер посмотрел на них и задержал взгляд на Ганниной тетради.

— Знание дороже клещей. И тяжелее, если несут его только в словах.

Лукьян рассказал о пленнике у Демерджи — только то, что они знали по свидетельству вороны. Мастер слушал не перебивая. Когда дошло до цепей, он попросил показать рисунок.

Ганна раскрыла тетрадь. На листе были две линии подхода, фигура Прометея и грубые кольца у вытянутых рук. Мастер долго смотрел на круг возле запястья.

— Видно мало, — сказал он. — Но одного достаточно, чтобы не тянуть за оба конца.

— Ты можешь дать нам клещи? — спросил Тимко.

— Могу. У меня есть самые сильные на этой дороге.

Тимко расправил плечи: половина дела будто уже была сделана.

— Тогда давай скорее. До седьмого рассвета…

— Сперва поможете здесь, — перебил мастер и кивнул на коня.

— Снять обруч? — Тимко взглянул на железо. — Это просто. Надо зацепить край и потянуть.

Конь в ту же секунду ударил копытом о землю. Помощник отскочил. Седой кузнец даже не изменился в лице.

— Хорошо, — сказал он. — Ты уже знаешь первое средство. Теперь скажи, кого им можешь покалечить.

Тимко хотел ответить: «Никого». Потом увидел над содранной кожей тонкую полоску крови.

— Коня, — произнёс он.

— А если тянешь, когда он боится?

— Тогда ещё и себя.

Мастер кивнул.

— Значит, начинать будем не с железа.

К коню подошла Ганна. Не к ноге — к морде, медленно, сбоку, чтобы животное видело её. Она не говорила волшебных слов. Просто протянула открытую ладонь и подождала. Конь обнюхал пальцы и перестал метаться, но наступать на больную ногу по-прежнему не решался.

— Он не доверяет нам, — заметила девочка.

— А с чего бы? — ответил мастер. — Железо он уже однажды доверил людям.

Лукьян поставил ящик на землю. Трофим снял с плеча клещи. Тимко присел, стараясь разглядеть соединение обруча, но конь снова вздрогнул, и мальчик отодвинулся.

Тогда он услышал нечто странное.

Из тёмного проёма кузницы, где не было ни ветра, ни воды, донёсся тихий металлический вздох. Обруч на лошадиной ноге на мгновение раскалился докрасна, хотя к нему никто не подносил огня. Потом железо снова потемнело.

Мастер наклонился и, не касаясь кольца, произнёс:

— Теперь оно узнало, что его собираются снять.

— Оно живое? — прошептал Тимко.

— Хуже, — ответил кузнец. — Оно умеет держаться.

И на глазах у всех обруч сам собой затянулся ещё на одну железную насечку.

Глава пятая. Урок кузнеца, который не спешил

Обруч затянулся не со звоном, а с едва слышным щелчком.

Тимко отшатнулся. Конь дёрнул ногой, всхрапнул и ударил копытом о деревянную стойку. Ганна прижалась плечом к его шее, но не пыталась удерживать голову силой. Лукьян уже поднял руку, приказав всем отойти от ноги. Только седой кузнец остался на месте — достаточно близко, чтобы видеть каждое движение животного, и достаточно далеко, чтобы не получить удар.

— Кто потянул кольцо? — спросил он.

Никто не ответил.

— Вот и хорошо. Значит, найдём виновника без лишней драки.

— Оно само, — сказал Тимко.

— Железо редко делает что-нибудь само. Но люди любят сваливать на него работу, которой не заметили.

Мастер присел и показал на маленькую пластинку, скрытую под ободом. Когда конь переносил тяжесть на больную ногу, пластинка слегка уходила вниз. Тонкий зубец цеплялся за следующую насечку, и кольцо сжималось. Блеск, который Тимко принял за красный жар, был отблеском горна на натёртой поверхности металла: в ту минуту помощник распахнул дверцу кузницы.

— Тут запор, — выдохнул мальчик.

— И тяжесть, — добавил кузнец. — Запор только слушает её. Заставь коня сильнее давить — и железо станет теснее. Начнёшь тянуть снаружи — ему будет больнее, он сильнее упрётся. А от этого кольцо сожмётся ещё.

— Кто так сделал? — спросила Ганна.

— Не всякому предмету полезно знать имя своего мастера, — ответил тот. — Это старое железо. Его нашли после паводка вместе с частью тележного хомута. Хотели приспособить к работе. Конь наступил в него прежде, чем успели разобраться.

Тимко раскрыл рот, чтобы спросить, почему же у такого мастера обруч валялся возле коня. Но седой кузнец посмотрел на помощника, виновато мявшего шапку, и вопрос стал ненужным. Случается, даже в хорошей кузнице у каждого есть день, когда ошибка находит хозяина раньше, чем хозяин её заметит.

— Теперь снимать? — спросил Тимко.

— Теперь сперва сделать так, чтобы он перестал сжиматься.

Мастер указал на деревянный подпор под стеной. Лукьян подтащил его, Трофим принёс широкую ременную петлю. Ганна осталась у головы коня. Она говорила с ним тихо, не уверяя, будто всё прекрасно. Тимко услышал лишь: «Больно, знаю. Сейчас постараемся». От этой простой честности конь неожиданно успокоился сильнее, чем от любых ласковых обещаний.

— Поднимем? — предложил Тимко, указывая на подпор.

— Поддержим, — поправил Лукьян. — Совсем чуть-чуть. Он должен стоять, а не висеть на нас.

Они провели ремень под грудью коня. Трофим придержал свободный конец, Лукьян проверил узел, седой мастер дождался, пока животное привыкнет к новому прикосновению. Затем с помощью подпора и широкой деревянной перекладины перенесли часть тяжести на крепкую заднюю ногу. Конь перестал упираться больным копытом в землю.

Тимко увидел, как пластинка под обручем поднялась обратно.

— Вот! — воскликнул он. — Зубец отошёл!

— Тихо, — шепнула Ганна. — Он тебя слушает.

Мастер протянул Тимко тонкую деревянную лучину.

— Проверь, входит ли сюда. Не ковыряй кожу. Только найди щель.

Мальчик поставил лучину между запорной пластинкой и ободом. Она прошла на толщину ногтя. Он попробовал двинуть её дальше — конь вздрогнул.

— Стой, — сказал Лукьян.

Тимко отнял руку.

— Я едва коснулся!

— Я не сказал, что ты виноват. Я сказал: стой.

Это было так непривычно — остановиться, не выслушав упрёка, — что Тимко некоторое время просто держал лучину над землёй.

Ганна нащупала у шеи коня место, где ему нравилось, когда его гладят. Животное выдохнуло. Трофим переставил опору на полладони. Мастер кивнул Тимко:

— Теперь снова. Только запор, не нога.

С первой попытки ничего не произошло. Со второй зубец чуть сдвинулся. Мальчик почувствовал, что лучина упирается в железную кромку, и потянулся было сильнее. Потом вспомнил, как под лошадиным весом кольцо затянулось, а на мостике — как одна неправильно поставленная опора превращала крепкую сосну в ловушку.

— Мне нужен другой угол, — сказал он. — И свет.

Трофим без слова протянул маленькое зеркальце, которым проверял блеск на готовых лезвиях. Мастер направил солнечный луч под обруч. На глубине оказалась крохотная поперечная щель, почти невидимая снаружи.

— Здесь не тянуть, а повернуть, — догадался Тимко.

— Вот теперь ты просишь у железа не милости, а ответа, — сказал седой кузнец.

Тимко изменил положение лучины. Лукьян удержал ногу, не сжимая её. Ганна слушала дыхание коня. Трофим придерживал перекладину. Зубец щёлкнул, вернулся на одну насечку, потом на вторую.

Кольцо ослабло.

Когда мастер вынул запорный штифт, обруч раскрылся и упал в траву. Конь постоял неподвижно, словно не веря, что железо больше не принадлежит его ноге. Потом осторожно наступил на землю. Ганна протянула ему половинку яблока; конь взял её губами и тут же попытался обследовать карман Тимко.

— Благодарит, — сказал мальчик.

— И проверяет, сколько у тебя ещё яблок, — ответила Ганна.

Она записала в тетрадь: «Нога цела. Кольцо сжалось под тяжестью. Разгрузили. Нашли штифт. Вынули». Затем добавила: «Больного не тянуть».

Седой кузнец прочитал запись через её плечо.

— Хорошо. Только добавь: если не знаешь, что держит запор, не начинай с клещей. Сила не заменяет устройство.

Тимко поднял с земли маленький штифт. Металл был тёплым от соприкосновения с телом коня, на одной грани виднелась тонкая риска. Он снова представил руки пленника, разведённые над каменной стеной. Если цепи Прометея устроены похоже, самое большое усилие могло лишь сделать их крепче.

— Но разве нельзя просто разбить железо? — спросил он.

Мастер впервые улыбнулся.

— Можно разбить многое. Попробуй разбить дверь, не задев того, кто стоит за ней. С этого места кузнечное дело перестаёт походить на праздник молота.

Трофим поднял кольцо, не наступая на острый край.

— Имя-то у тебя есть, мастер?

— Есть. Только вам нужны не имена, а дорога.

— В кузнечной работе без имени непорядок, — возразил Трофим. — Кому потом поклон передать?

— Передай тем, кто работает рядом с тобой. Мне этого довольно.

Лукьян не стал расспрашивать дальше. По тому, как Трофим и хозяин кузницы обменялись взглядами, Тимко понял: взрослые узнали здесь нечто, чего он ещё не умел назвать. И всё же мастер не был ни призраком, ни богом — по крайней мере, принимался за работу он с тем же терпением, с каким обычный кузнец подковывал лошадь.

В кузницу вошли через низкую дверь. На стенах висели щипцы, молотки, наковаленки для мелкой работы и длинные железные полосы, каждая с отметиной мастера. В глубине стоял горн; меха дышали медленно и ровно. Над горном в дыму проступали старые рисунки: всадники, горы, великаны. Тимко пригляделся — оказалось, изображение складывается из неровностей каменной кладки и копоти. Но стоило огню вспыхнуть, и всадники будто трогались с места.

— Ты слышал о нартах? — спросил мастер.

— О сильных людях? — ответил Тимко.

— Сильных, да. Но не всегда умных. И не всегда добрых. В сказании, которое здесь помнят, был прикованный к вершине Насрен. Был и Батараз, который взялся освободить его. Не превращайте нашу историю в вашу: у Насрена своя судьба, у

Прометея — своя. Но в каждой кузнице есть работа, которую не сделать одним ударом.

Он подбросил в огонь сухую щепку. Пламя поднялось, и на задней стене словно проступил силуэт скалы.

Тимко увидел всадника с копьём, тёмную цепь, фигуру на вершине. Видение не было похоже на театральное чудо, которое заранее ждёт зритель: оно возникало из искр, копоти и света, стоило повернуть голову — пропадало, снова появлялось. Мастер рассказывал негромко, как рассказывали бы вечером у домашнего очага.

В огне Батараз поднимался по склону. Вьюга стирала следы его коня, а тёмная цепь на вершине не становилась ближе. Тимко не мог сказать, где кончалась тень молота на стене и начинался рассказ. Ганна не стала рисовать видение как то, что могла видеть настоящая ворона. Она записала: «Мастер рассказал адыгское сказание о Насрене и Батаразе. Мы видели огонь и тени».

— Он освободил? — спросил Тимко.

— В сказании — да. И потому люди берегут это сказание, — ответил мастер. — Но если ты придёшь к чужой скале и начнёшь повторять чужие удары, скала не обязана их помнить.

— А чему тогда учиться у истории?

— Не тому, как назвать себя богатырём. Тому, что беда начинается раньше, чем слышен первый крик. И что герою надо отличать её от собственной гордости.

Тимко хотел возразить, будто совсем не гордится. Вспомнил, как радовался самым сильным клещам, и промолчал.

Мастер подал знак помощнику. Тот принёс не настоящий обруч, снятый с коня, а меньшую железную модель: два звена, подвижную скобу и продолговатый штифт с поперечной риской. От звена отходил ремень. На ремне висела тяжёлая деревянная болванка.

— Это не оковы Прометея, — сказал кузнец. — Они не лежат у меня под скамьёй. Но принцип, который вы нарисовали, очень похож. Посмотрите, что происходит.

Он велел Тимко взять большие клещи. Мальчик ухватил ими скобу и потянул. Железо не подалось. Трофим добавил своё усилие. Раздался сухой хруст — не скобы, а деревянной рукояти старых клещей.

— Достаточно, — велел мастер. — Их ещё можно починить. А теперь переставьте болванку.

Лукьян придержал тяжёлую деревяшку за ремень, пока Трофим подставлял низкий козелок. Вес частично перешёл на опору, ремень ослабел. На лицевой стороне скобы выступила тонкая линия.

— Штифт, — сказал Тимко.

— Не спеши. Он всё ещё под остатком нагрузки. Что сначала?

Мальчик взял второй козелок и попросил Ганну подвинуть его ближе. Теперь болванка лежала устойчиво, ремень провисал. Тимко просунул тонкий стержень в отверстие и легко повернул его.

Штифт вышел.

Два звена разошлись так просто, что мальчик от неожиданности чуть не уронил их.

— Смотри! — воскликнул он. — Клещи не понадобились!

— Понадобились руки, которые не тянули, — ответил мастер. — И опора. Не думай, будто секрет в том, чтобы вообще ничего не делать. Если человек висит на цепях и камень держит его снизу, ты сперва выяснишь, какая тяжесть куда идёт. Снимешь не ту — навредишь сильнее, чем молотом.

Трофим взял модель, собрал её обратно и попросил Тимко показать всё по порядку. Тот охотно взялся за железо, но кузнец отодвинул его руку.

— Расскажи, что сделаем, прежде чем трогать.

— Поддержим тяжесть. Затем проверим, какая цепь натянута. Потом освободим штифт.

— А человек?

— Его тоже поддержим.

— Чем?

Тимко оглянулся на свёрнутые у двери верёвки, ремни и ящик.

— Нашими снастями. Только надо понять, за что крепить.

— Вот этого пока не знаешь, — сказал мастер. — И правильно. Скала у Демерджи не лежит у меня на столе.

Они проверяли модель ещё несколько раз. Сначала на одном козелке, потом на двух, затем с болванкой, которую качали, как тело на ветру. Когда опора была нестойкой, штифт снова заедало. Когда подкладка оказывалась слишком высокой, нагрузка переходила на другую цепь, и та затягивалась. Однажды Тимко поспешил и ударил стержнем по штифту; он лишь сильнее заклинил железо.

— Не сердись, — сказал мастер, принимая от него стержень. — Металлу всё равно, с каким выражением лица ты ошибаешься.

Ганна обвела рисунок соединения жирной чертой и поставила рядом три отметки: «Нагрузка», «Подпор», «Штифт».

— Я могу не всё запомнить, — сказала она. — Поэтому нарисую и для Трофима.

— Для Тимко, — поправил кузнец.

— И для тебя. Ты сегодня два раза перепутал левую и правую сторону.

Трофим посмотрел на рисунок с почтением.

— Так и запиши: даже великие кузнецы нуждаются в свидетелях, способных отличить левую руку от правой.

Когда модель наконец убрали, Тимко почувствовал усталость, словно собственными плечами держал болванку всё время, пока учился. Седой мастер налил им воды из глубокого кувшина, подал горячий хлеб, пахнувший печью и зерном, и только теперь спросил:

— Вы далеко едете?

— На Демерджи, — сказал Лукьян.

— Не туда, откуда приехали. Это я уже понял.

Ганна достала лист с дорогами, скопированный по вороньим рисункам. Она показала нижний подход вдоль стены и верхнюю Тропу привидений. Мастер долго рассматривал линии, затем указал пальцем на место, где нижняя тропа соприкасалась с каменным выступом.

— Снизу вы можете подойти к рукам пленника, если дорога сохранилась. Сверху будете над его головой, а не у оков. Оттуда работать трудно. Понадобится опустить человека или снасть — без надёжного крепления не получится.

— Значит, пойдём снизу, — сказал Тимко.

— Значит, сперва проверите снизу, — ответил Лукьян.

— А зачем тогда верхнюю рисовать? — спросил мальчик.

— Потому что сегодня она существует, даже если мы её не выбираем, — сказала Ганна. — И потому что завтра может случиться то, чего мы не знаем.

Мастер положил рядом ещё один лист — старую дощечку с двумя вырезанными дорогами. Нижняя была обозначена непрерывной линией, верхняя подходила к краю и там обрывалась. Ни чудесного перехода, ни тайной лестницы у верхнего пути не значилось.

— Это что, карта? — спросил Тимко.

— Память тех, кто ходил прежде вас. Она ошибается меньше, если не приказывать ей показывать желаемое.

Они сравнили доску с тетрадью. Ганна подправила поворот нижнего подхода, а у верхнего поставила маленький знак обрыва. Теперь было ясно: если они не сумеют пройти снизу, одной смелости сверху не хватит.

Трофим попросил одолжить особые клещи. Мастер вынес огромную пару с длинными рукоятями, такими тяжёлыми, что Тимко с трудом поднял их от земли.

— Вот эти? — удивился мальчик. — Они точно перекусят любое железо!

Мастер поставил клещи у стены.

— Нет. Они возьмут железо, которое сумеют обхватить. Против замка, который крепнет под нагрузкой, и эти клещи ничего не сделают. Если вам хватит обычных — берите обычные. Большие оставьте для того, кто способен тащить их до седьмого рассвета и обратно.

Лукьян переглянулся с Трофимом. Они выбрали клещи поменьше, но с тонкими губками. Трофим проверил ход шарнира, Тимко — скобу и ремень, Ганна записала вес в условных долях от пустого ящика. Дело оказалось таким важным, что никто не засмеялся, когда она спросила, сколько ещё можно взять хлеба.

— Есть у меня ещё одна вещь, — сказал мастер.

Он принёс узкую железную пластину, на которой была вырезана риска такой же формы, как на штифте модели. Пластину можно было использовать вместо маленького рычага, если обычная лучина сломается. Никакого чудесного свойства мастер ей не приписывал.

— Отдам вместе с клещами, — сказал он. — Но запомните: пластина не создаст опору из воздуха. Берегите ремни и не тяните живого человека за руки, если он уже скован.

Тимко спрятал пластину в малый ящик, где лежали знакомые инструменты. Хотел положить поближе к себе, но решил, что общий инструмент должен быть там, где его быстро найдут все. Это решение никто не заметил, и тем оно было особенно приятным.

К закату ворона вернулась с края долины. Её перебинтованное крыло за день окрепло, но она всё ещё берегла его при посадке. Ганна села перед птицей с тетрадью.

— Что мы можем передать в станицу точно? — спросила она спутников.

— Мы получили самые сильные клещи, — предложил Тимко.

— Не самые, — возразил Трофим. — Самые остались в кузнице.

— Тогда: научились снимать цепь.

— С модели, — напомнила Ганна.

— Надоело это «с модели»!

— Если отправить домой, что Прометей уже свободен, потом будет ещё надоедливее, — сказал Лукьян.

Вместе они составили короткую весть. Четыре условных знака: прибыли в нартовскую кузницу; проверили, как затягивается обруч под весом; научились разгружать соединение и вынимать штифт; путь к скале ещё впереди. Мастер дал им кусочек тонкой бересты, чтобы знаки можно было начертать и привязать к птице. Но Ганна не стала надеяться лишь на бересту: она ещё раз повторила вслух, что ворона видела сама, а что услышала от людей.

— Ты не обязана пересказывать всё слово в слово, — сказала девочка птице. — Только долети. И, пожалуйста, не спорь с орлом.

Ворона наклонила голову. Отступила на шаг. Потом внезапно ухватила Тимко за ремень сумки.

— Мне кажется, она напоминает про рыбу, — сказал он.

— Это не перевод, — заметила Ганна.

— Это просьба человека, которого дёргают за ремень.

Они дали ей немного рыбы и воды. Перед вылетом ворона дважды пролетела низко над узким проходом между домами, затем поднялась к древней дороге. Тимко смотрел ей вслед, пока птица не исчезла на фоне далёкого тёмного хребта.

На самой границе заката в долине раздался другой крик — низкий, короткий, такой резкий, что все замолчали. Трофим поднял голову. Над верхним гребнем скользнула огромная тень.

— Орёл? — спросил Тимко.

— Большая птица, — ответила Ганна. — Кого именно видели, пока не знаю.

Ворона на мгновение зависла в воздухе, затем резко свернула к узкому ущелью. Тень скользнула следом, но исчезла за хребтом, не приближаясь к двору. Отряд мог только смотреть. Их связная не вернулась и не подала условного сигнала; значит, нельзя было ни считать её спасённой, ни объявлять пропавшей.

— Хоть бы успела передать весть, — тихо сказал Тимко.

— Хоть бы просто долетела, — ответил Лукьян.

Ночевали они на краю аула, под навесом, с тележкой у стены. Трофим проверил новые клещи и смазал шарнир. Ганна переписала рисунок, чтобы в дороге не зависеть от одного листа, а Тимко взял обломок старого обруча и попробовал показать отцу весь приём заново. В темноте он путал, где у скобы перед, а где зад, и сердился на свои пальцы. Лукьян не торопил его.

— Когда Прометей будет у тебя перед глазами, — сказал отец, — не будет времени вспоминать урок с закрытыми глазами. Потому и повторяем сейчас.

— Я повторю десять раз.

— Повторишь столько, сколько нужно, чтобы не ошибиться от страха. Не ради числа.

Тимко наконец нашёл нужную выемку и чуть повернул учебный штифт. Кольцо раскрылось. Отец молча подставил ладонь, чтобы железо не упало на землю.

— Теперь выдержит, — сказал Лукьян.

Тимко услышал знакомые слова и посмотрел не на лицо отца, а на его ладонь под железом. Лукьян всё ещё удерживал кольцо, чтобы оно не упало коню под ноги. Мальчик подставил свою руку рядом.

В это время в станице Семён Кривой Рог собрал у колодца соседей и объявил, что по его подсчётам отряд вот-вот победит всех богов. Ворожея попросила показать счёт. Семён честно признался, что считает по слухам, и услышал в ответ: слухи к седьмому рассвету не прибавляют ни часа.

Когда ворона, наконец, спустилась на край её крыльца, крыло дрожало от усталости. Берестяная записка сохранилась. Ворожея развернула её, прочитала и объяснила людям только то, что было написано. Никто не называл это победой. Но женщины принесли новую верёвку,

плотники начали подгонять лёгкие доски для носилок, а Семён вызвался сторожить посыльную, пока она ела.

— От кого сторожить? — спросила ворожея.

— От моего языка, — ответил он. — Он любит рассказывать раньше, чем узнает.

Птица долго пила воду из чашки — той самой, которую не удалось поднести Прометею. Потом подняла голову и посмотрела в сторону юга. Над крышами ходила незнакомая широкая тень. Она не опускалась к людям, не касалась ни одного крыла. Но её круги были слишком ровными, а высота слишком большой для обычного вороньего полёта.

Ворожея закрыла окно на деревянный крючок, поставила перед птицей ещё воды и загасила лампу.

— Отдыхай, — сказала она. — Завтра узнаем, кого ты привела за собой.

А на другой стороне старой дороги Тимко заснул, положив ладонь на ящик с инструментом.

Ему снилось, будто скала уже перед ним: Прометей смотрит вниз и улыбается, штифт легко выходит из цепи, все радуются. Только потом выясняется, что никто не подумал, на чём держался узник. Камень под его ногами исчезает, и вместе с ним исчезает опора.

Мальчик проснулся ещё до рассвета. В темноте он долго сидел неподвижно, стараясь понять, что страшнее: не суметь разомкнуть цепь или разомкнуть её слишком рано.

На тележке лежали верёвки, ремни и исправное малое колесо от недостроенного водоподъёмного устройства. Тимко приподнял обод, ощутил его тяжесть и осторожно поставил на место. У самой скалы, возможно, придётся удерживать совсем иной груз.

И именно тогда за дверью навеса послышался осторожный скрежет — будто кто-то снаружи проверял, насколько крепко привязаны их верёвки.

Глава шестая. Туман помнит не всех

Тимко подскочил, разбудил Трофима и выскочил из-под навеса с ножом в руке.

У тележки стояла коза.

Коза была невелика, совершенно не похожа на ночного разбойника и занята делом, которое считала чрезвычайно важным: она жевала край ремня, пропитанного жиром для защиты от сырости. От её стараний дерево скрипело, словно кто-то отвязывал снасти. Завидев Тимко, коза сперва подумала, не дадут ли ей ещё ремень, потом решила не рисковать и отошла в сторону.

— Вот он, похититель, — сказал Трофим, возникнув в дверях. — Ужас аульских кузниц. Гроза ремней и невинных сухарей.

Тимко, не зная, куда девать нож, осторожно вложил его в ножны.

— Я думал, кто-то нас выслеживает.

— Может, и выслеживает. Но пока я вижу только козу, которая разобралась в нашем снаряжении лучше тебя: она нашла самое вкусное место.

Лукьян вышел следом, поднял покусанный ремень и согнул его. На внутренней стороне оказалась неровная борозда. Если бы в дороге этот участок взял тяжесть, волокна могли разойтись.

— Меняем, — сказал отец.

— Из-за козы? — спросил Тимко.

— Из-за ремня. Коза уже закончила свою работу.

Они заменили длинный ремень двумя короткими, проверили соединение, распределили груз. Тимко заметил, что при новом креплении маленькое колесо от водоподъёмного устройства сместилось вправо, и переложил его ближе к оси. Движение получилось почти привычным. Теперь он не представлял дорогу без этих остановок, как раньше не представлял её без быстрых подвигов.

— Зачем ты вообще выбежал с ножом? — спросила Ганна, когда они уже свернули постель.

— Чтобы защитить всех.

— От козы?

— Я не знал, что это коза.

— Так и скажи: чтобы узнать, кто там.

— С ножом узнавать быстрее.

Ганна показала на отцовский ремень, который коза так старательно жевала.

— Если не посмотреть сначала, можно перерезать то, что ещё нужно.

Тимко не нашёл ответа. Оттого её слова запомнил особенно хорошо.

На рассвете они попрощались с хозяином кузницы. Тот не дал им ни заколдованного молота, ни обещания, что гора непременно уступит. Он только проверил, правильно ли связана тележка, приложил большой палец к краю тонких клещей и кивнул Трофиму.

— Если железо молчит, сначала спросите, не кричит ли человек, которого оно держит.

— А если кричит железо? — спросил Тимко.

— Значит, кто-то ещё не научился слушать.

Пока они спускались к широкой дороге, ворона не появлялась. Ганна несколько раз оглядывалась на аул, но над дымящими крышами летали только маленькие птицы. Лукьян велел детям идти, не высматривая без конца связную: в этом деле отряд мог двигаться и без неё, если помнить известное, а не строить планы на неизвестном.

К полудню земля стала пахнуть иначе. Воздух потяжелел от соли, ветер приносил голоса чаек, а низкие холмы один за другим уступали место широкому, почти плоскому берегу. Впереди открылась вода, большая настолько, что Тимко сперва принял её за продолжение неба.

— Море, — сказал он.

— Пролив, — уточнил Трофим.

— Но вода морская.

— Верно. Когда станешь писать название на тележке, можешь выбрать любое. А пока нам на ту сторону.

Они вышли к таманской переправе. На берегу лежали толстые канаты, мокрые сети и перевёрнутые лодки. Рыбаки чинили паруса. Между свай стояла просторная плоскодонная лодка с высоким носом, рассчитанная на груз и пассажиров. Её хозяин, загорелый человек с короткой седой бородой, строго наблюдал, как помощник сматывает канат.

— До керченского берега возьмёшь? — спросил Лукьян.

Хозяин посмотрел на небо.

— Возьму, если ветер не станет спорить.

— Дорога нужна сегодня.

— Вода о сроках не договаривается.

Тимко обошёл лодку. Кормовой настил был широким, места для тележки хватало, но её железо требовалось закрепить особенно тщательно. Борта были низкими, над носом крепилась мачта с полотняным парусом. Ни крыльев, ни чешуи, ни лошадиной головы спереди. Доски под каблуком скрипнули, и Тимко решил прежде всего спросить лодочника, на чём держится груз.

— Я умею вести лодку, — сказал он.

Лукьян посмотрел на сына так, будто пытался вспомнить, в какой именно день их домашний ручей превратился в пролив.

— На ручье ты умеешь направлять плот. Здесь течение и ветер с разных сторон.

— Вода всё равно течёт.

— Потому и договоримся сперва, кто за что отвечает.

Лодочник согласился взять их с грузом после того, как Лукьян помог заменить стершуюся петлю на креплении паруса, а Трофим подправил железный крюк на борту. Они могли расплатиться припасами, но лодочник, увидев, как мастерски кузнец владеет инструментом, попросил сначала о работе: времени оставалось немного, а неисправный крюк мог стоить лодке дорого. Ганна отмечала, какие снасти чужие и какие свои, чтобы не унести по ошибке ни одного ремня. Тимко отнёс к воде пустые вёдра, затем с разрешения хозяина проверил, как установлена банка, на которой будет сидеть гребец.

— Всё-таки я могу вести? — спросил он Лукьяна.

— Можешь грести, пока я скажу. Но не будешь сам менять курс. Даже если увидишь берег ближе.

— Берег ведь должен быть ближе.

— Ближний берег не всегда тот, к которому надо плыть.

На носу лодки лежал старый деревянный ковш. Тимко взял его, примерил к ладони и вспомнил своё водяное колесо. Ковшики должны были поднимать воду к яблоням. Здесь же такой ковш служил для совершенно противоположного дела — вычерпывал воду из лодки.

— Вещи работают не только там, где их придумали, — заметил Трофим.

— Это Прометей научил людей строить лодки? — спросила Ганна.

— Так нам рассказал пленник через ворону, — ответил Лукьян. — И этим знанием пользуются даже те, кто о нём не слышал. Вот почему мы здесь.

Ганна записала в тетрадь: «Для перехода нужна настоящая лодка. Дар не перевезёт сам, если не работать». Тимко заглянул через плечо.

— У тебя везде объяснения.

— А у тебя везде названия.

— Для этой лодки у меня есть: «Быстрая победа».

Лодочник услышал и покачал головой.

— Переименовывать не позволю. Она уже называется «Терпеливая».

— Почему?

— Потому что другим моим лодкам не хватало терпения дождаться, когда хозяин перестанет делать глупости.

Они засмеялись. Даже Лукьян улыбнулся, хотя тут же велел Тимко принести ещё один крепёжный ремень.

При погрузке выяснилось, что тележку нельзя поставить поперёк: железо будет тянуть лодку на левый борт. Тимко потянулся к верёвке, но попросил Трофима поднять вместе с ним одну сторону, а лодочника — показать, где у днища поперечные балки. Они расположили тележку вдоль лодки и уравновесили её мешками так, чтобы никто не сидел на стороне тяжелее остальных. Лукьян проверил всё сам, однако не стал переставлять за сыном ни одного узла.

— Можно? — спросил Тимко.

— Можно, — ответил отец. — Пока никто не нарушил договор.

Ганна поднялась на нос с тетрадью. Ей поручили следить за направлением ветра, белой полосой пены и положением берега. Трофим сел возле груза: если тележка сдвинется, первым заметит он. Тимко взял правое весло; левое оставалось у помощника лодочника. Лукьян вместе с хозяином отвечал за курс.

Перед отплытием лодочник на минуту снял шапку. Остальные сделали то же, каждый по-своему. Никто не произнёс громкой клятвы: возле настоящего моря слова всегда звучали немного скромнее.

«Терпеливая» отчалила.

Первые удары вёсел были трудны. Лодка, гружённая железом и припасами, шла тяжело, но уверенно. У воды оказался свой порядок: нос то поднимался на волне, то уходил вниз, течение медленно уводило корму, парус ловил ветер, которого на берегу почти не чувствовалось. Тимко хотел грести быстрее всех; на третьем ударе его весло ударилось о соседнее.

— В одном ритме, — сказал Лукьян.

— Я сильнее тяну.

— Оттого и мешаешь.

Тимко подождал, прислушался к скрипу уключин и подстроился. Теперь лодка шла ровнее. Он чувствовал, как новая сила появляется не от его собственных рук, а от того, что все гребут в одно время. Но признаться в этом было пока труднее, чем поднять тяжёлые клещи.

Между ними и берегом вырос туман.

Сначала это была тонкая прозрачная полоса над водой. Потом к ней протянулись клочья белого, и за несколько минут Тамань превратилась в серый рисунок без очертаний. Исчезли лодки у пристани, соляные насыпи, чайки. Даже звук волн изменился: теперь вода стучала в борт так, будто лодка плыла внутри закрытого двора.

— Парус убираем наполовину, — приказал хозяин.

Трофим помог спустить полотнище. Ганна указала на пену у правого борта.

— Нас сносит.

— Отмечай, куда, — ответил Лукьян.

Она положила на колени тетрадь, но бумага сырела. Тогда девочка стала повторять направление про себя и проверять по коротким волнам, насколько изменился ход лодки. Тимко увидел, что она не просто смотрит: каждый раз находила второй признак, прежде чем что-нибудь сказать.

— Я тоже вижу течение, — сказал он.

— Тогда смотри вместе со мной.

Вдали послышался плеск других вёсел.

Лодочник поднял ладонь. Все замерли.

Из тумана выплыл узкий тёмный нос старой лодки. Она шла против волны, почти без шума. По бортам сидели гребцы, но Тимко видел их неясно, будто между людьми и зрителем лежало мутное стекло. На корме стоял человек в мокрой рубахе. Он не смотрел на казаков, пока не приблизился к «Терпеливой» на расстояние нескольких саженей.

Тогда поднял голову.

Лукьян уронил конец верёвки.

— Не может быть, — произнёс он.

Человек в старой лодке улыбнулся. Улыбка была спокойная, немного усталая, словно встреча происходила не среди морского тумана, а на знакомом берегу после обычной дороги.

— Лукьян, — позвал он. — Поворачивай. Ты тогда повернул не туда. Теперь есть время.

Тимко никогда не слышал, чтобы отца звали таким голосом. Не приказом, не упрёком — так зовут человека, которого долго ждали.

— Кто это? — спросил мальчик.

Лукьян не ответил. Он смотрел в туман и медленно поднимался с места, забыв о натянутой снасти. Лодочник окликнул его, но казак словно не услышал.

— Держи вёсла ровно, — сказал хозяин помощнику. — Слева камни, если нас занесёт.

Тимко почувствовал, что «Терпеливая» поворачивается. Сначала едва заметно, затем всё быстрее. Никто не отдавал такого приказа; течение само забирало её корму. Но отец почему-то не поправлял курс.

— Лукьян! — позвал Трофим.

Из тумана донеслось:

— На этот раз успеешь!

Отец шагнул к борту. Тимко встал между ним и водой.

— Папа, у нас лодка уходит!

Лукьян отодвинул сына, не грубо, а с отчаянной поспешностью человека, который боится опоздать к единственной нужной встрече.

— Подожди. Я должен ему ответить.

Тимко никогда прежде не видел отца таким. Дома Лукьян был тем, кто первым замечал слабую опору, чужую усталость, загнутый гвоздь. Сейчас он будто превратился в мальчика, потерявшего дорогу, и от этого стало страшнее, чем от любого орла.

Ганна прижала мокрую тетрадь к груди. Ей тоже хотелось посмотреть на незнакомца. В одной стороне моря стоял человек, который звал, в другой — невидимые камни, о которых говорил лодочник. Казалось, можно выбрать только одно из двух: поверить отцу или самой воде.

— Дядя Лукьян, — сказала она негромко, — куда идёт пена?

Он не ответил.

— Тимко, смотри не на лодку. На воду между нами.

Мальчик хотел сказать, что теперь неподходящее время для её измерений. Но вспомнил пустую щель между цепью и чашкой у Прометея: близкое не всегда достижимо. А здесь даже не было уверенности, что чужая лодка действительно близка.

Ганна указала на белую полоску пены у самой кормы незнакомого судна.

— Видишь? Она на одном месте.

— Потому что они стоят, — ответил Тимко.

— Но вёсла движутся. И вода должна уходить. У нас пена течёт к левому борту. А там отражение неподвижно.

Он пригляделся. Действительно, лопасти чужих вёсел входили в воду, но на гладкой поверхности под ними не появлялись ни круги, ни крошечные расходящиеся волны. Туман

колебался, голос звучал, гребцы двигались — и только вода оставалась такой, словно лодка была нарисована над ней.

— Это видение, — сказал Тимко.

— Мы не знаем, что оно такое, — возразила Ганна. — Но знаем, что по его волнам нельзя выбрать путь.

Тимко не стал спорить. Он передвинулся к отцу и показал пальцем на неподвижную пену под чужими вёслами.

— Отец! — крикнул мальчик. — Ганна заметила, что вода под той лодкой не движется. Посмотри сам!

Лукьян вздрогнул, словно его окликнули издалека.

— Что?

— Не мы придумали, — продолжал Тимко. — Ты сам нас учил проверять. Здесь волна идёт влево, а под ними не идёт никуда. Что бы ни было там, нашу лодку несёт к камням.

Лукьян перевёл взгляд на воду. Очень медленно, но всё же повернулся к сыну. Влажные усы дрогнули.

— Верно, — сказал он наконец. — Держим к правой кромке тумана. Не к той лодке.

— А человек? — тихо спросила Ганна.

Лукьян стоял над бортом. Он мог бы сказать, что никого не видел. Взрослым иногда кажется, будто этим способом они сохраняют уважение детей. Но лицо отца было слишком бледным, чтобы Тимко поверил в простое объяснение.

— Это мой товарищ, — сказал Лукьян. — Мы много лет назад попали на опасный разлив. Надо было держать другую протоку. Я выбрал не ту. Он помогал вывести людей, а сам назад не вернулся.

Лодочник и Трофим молчали.

— Ты видел его потом? — спросил Тимко.

— Нет.

— Тогда сейчас…

— Сейчас я увидел человека, о котором помню, — ответил отец. — Этого я не отниму у себя. Но куда плыть, нам покажет вода, а не мой страх снова опоздать.

Из тумана снова донеслось:

— Лукьян, ещё можно исправить!

Отец закрыл глаза на мгновение. Открыл.

— Исправить тогдашний поворот нельзя, — произнёс он. — А сегодняшний ещё можно.

Он взял снасть, велел Тимко держать весло в одном ритме с помощником и сам передвинул крепление паруса. Трофим потянул за другую верёвку. Ганна стояла у носа и громко называла каждый замеченный признак: кусок пены, ветку, вынесенную с берега, направление короткой ряби. Когда она сомневалась, прямо говорила: «Не уверена». И тогда лодочник дожидался второго признака.

— Ветер справа!

— Слышу, — отвечал Лукьян.

— Ветку несёт к корме!

— Вижу.

— Там чёрная вода, дальше светлее. Может быть, мель!

— Проверим шестом, — сказал хозяин.

Трофим взял длинный шест. Когда опустил его на дно, дерево вдруг ударилось о твёрдый камень гораздо раньше, чем ожидалось. Лодочник выругался так тихо, что Ганна даже не подумала записывать. Они были близко к подводной гряде.

— Правее! — скомандовал Лукьян.

Тимко налёг на весло и почувствовал сопротивление. Соседний гребец подхватил движение, лодка повернула, но корму всё ещё тянуло к камню. Тимко потянул сильнее; дерево опасно скрипнуло.

— Не один! — крикнул отец. — В ритм!

Мальчик выдохнул и дождался второго весла. Раз, два, ещё раз. Теперь сила обоих шла в одно движение. Трофим помог шестом, не толкая судно туда, где не знал глубины. «Терпеливая» прошла над краем каменной гряды так близко, что все услышали под днищем протяжный шорох. Но это был не удар — только течение, ударявшееся о выступающие снизу камни.

Позади них в тумане что-то всплеснуло. Ганна обернулась. Старой лодки уже не было. Несколько мгновений в белой мгле ещё звучали чужие вёсла, но потом и этот звук растворился в плеске настоящей воды.

Тимко не спросил отца, был ли это призрак. Ему самому хотелось знать, однако сейчас от ответа не становилось безопаснее. Он лишь заметил, что Лукьян держит снасть так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Можно я сменю тебя у этого конца? — спросил мальчик.

— Можешь. Я покажу, сколько отпускать.

Отец передал верёвку. Тимко поймал её обеими руками, выбрал слабину и дождался команды лодочника. Когда лодку повело, он не потянул раньше другого гребца.

— Я ещё вижу пену, — сказала Ганна. — Она теперь идёт за нами, а не сбоку.

— Хорошо, — ответил лодочник. — Это значит, что вы хотя бы перестали спорить с течением. Остальное скажет берег.

Ветер переменился прежде, чем исчез туман. Пахнуло сушёными водорослями и прогретым камнем. За серой завесой закричала чайка, другая ответила ближе. Потом справа показалась тёмная линия земли.

— Керченский берег, — сказал хозяин.

Тимко впервые за несколько часов осмелился оглянуться. Тамань давно исчезла, но теперь за туманом была не пустота, а берег, к которому они шли. Над ним поднимались невысокие холмы. Камень смотрелся иначе, чем у дома: сухой, светлый, пористый. На подъёме виднелись белые стены, дальше — дым из кузнечных труб, и над всем этим парили чайки, решительно не заботившиеся о седьмом рассвете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.